

Часть вторая «Алая роза»

Пылинки, приняв форму миниатюрных галактик, стремительно вращались в потоке солнечного света. Перелетая с места на место по книжному складу, где было назначено собеседование, «галактики» мгновенно попадали в нос, глаза и уши, отчего я начала чихать.

Ко мне навстречу вышел статный господин с остроколючей бородкой, в костюме-тройке. Он был подтянут, серьезен, а серебряные кудри на его голове прикрывала кипа – еврейская шапочка из белого атласа, расшитая золотой нитью. Он пригласил меня сесть напротив, поправил галстук и надел пенсне.

– Меня зовут Ян Рафаилович. Я задам вам несколько волнующих меня вопросов.

– Хорошо.

Отправляясь на поиски работы, я впервые сняла большой платок и сделала завивку. Вместо длинного просторного балахона надела юбку миди и блузку розового цвета – подарки Эльвиры.

– Паспорт в порядке. Ставропольская прописка есть. – Ян Рафаилович внимательно рассматривал мои документы. – Давно уехали из Чечни?

Я вспомнила совет девочки Кристины о том, что о месте рождения лучше молчать или объяснять очень скупно.

– В войну я была ребенком.

– В роду есть евреи?

– Есть. Бабушка по отцу.

– Ваша любимая книга?

– «Цветы для Элджернона». Дэниел Киз.

– А из советских?

– «У войны не женское лицо». Светлана Алексиевич.

– Хм, хм. – Пожилой господин задумался, а затем опять задал вопрос: – Вы умеете хранить тайны?

– Я человек честный, – ответила я, поражаясь тому, насколько Ян Рафаилович внешне похож на Дон Кихота.

– У нас тройная бухгалтерия. Одна – для нас, другая – для налоговых органов. Третья – по плану В.

– Третья? – удивилась я.

– Вы по молодости и наивности можете решить, что в этой стране кто-то иначе живет. Я вам сразу говорю как есть, а другие потом скажут, когда поздно будет.

– Я к вам продавцом прошусь в магазин. Как меня ваши аферы будут касаться?

– Эх, молодежь, молодежь... – зацокал языком Ян Рафаилович. – Никак не будут.

– Зачем тогда рассказываете?

– У меня за неделю на шесть мест в новом магазине сто пятьдесят человек побывали на собеседовании. И только с вами могут быть проблемы. Из-за честности вашей. Поэтому сознаюсь как на духу!

Он громко, по-молодому рассмеялся.

Вокруг нас лежали сотни книг в упаковках – будущее богатство книжных полок. Смогу ли я попасть в магазин «Алая роза»? Это наш единственный шанс на аттракционе выживания, где кругом смертельные виражи.

– Какая зарплата? – поинтересовалась я.

– Разная. – Ян Рафаилович прищурился. – В налоговую – одна, в нашей ведомости – другая, а вы будете расписываться за тысячу рублей.

– Но это же...

– Правильно! Микроскопическая сумма. Но обещаю: на самом деле будет четыре тысячи. Работать по двенадцать часов в день. Иногда больше. И не требуйте никаких записей в трудовой книжке для будущей пенсии. Их не будет!

– Но я...

– Это меня не касается. Знаю, зарплата крошечная, жилье снять нельзя. Но поищите в этом городе другую вакансию. Вы ничего не найдете. У нас сеть книжных магазинов, и люди бьются за места в них, чтобы не умереть с голоду.

Обговаривать было больше нечего. Я вежливо попрощалась и вышла, молясь, чтобы мне не пришел отказ.

Миновав крепостную стену, которая послужила Ставрополю основанием, я вышла в сквер, где когда-то прогуливался Лермонтов, и услышала настойчивое пикиканье мобильного телефона.

– Мы заставили чеченских жуликов прислать академическую справку из Грозного, – сообщил Понтий Пилат.

– Спасибо, Савелий Аркадьевич!

Сердце ликовало. Жизнь явно налаживалась: появилась прописка, выдали паспорт, я почти нашла работу, да еще прислали справку для продолжения учебы.

Все эти события придали мне храбрости. Набрав номер Жени, я замерла в ожидании гудков. Надо пригласить его на свидание. Нельзя упустить хорошего парня только потому, что он русский и христианин. Оковы прошлых учений ослабели от блистательного дня и чарующего запаха акаций.

Трубку взял Женин отец.

– Простите. Сын уехал в горы дней на десять...

Сев на скамью у плакучих ив, растущих рядом с драматическим театром, я вытащила из сумки тетрадку дневника и записала только что родившиеся стихи:

Я номер телефонный набрала.
И сердце так преступно застучало,
Когда твое я имя назвала.
А голос мне ответил: «Опоздала!

Уехал в горы. Нет его пока.
Он там пробудет десять дней! Не меньше!
Там ветер и хмельные облака,
Там нет красивых и коварных женщин!»

В сквере среди высоких серебристых елей, белоствольных тополей и ярких цветков олеандра носились птицы, щебеча и перелетая с ветки на ветку. В глубине аллеи виднелись кустарники и трепетная береза, склонившая свои ветви к красно-фиолетовым петуньям.

Я вспомнила сон о том, что живу на мосту. Внизу грохочет о камни вода и прибывает с такой силой, что у деревьев, растущих вдоль берега, видны лишь верхушки. Мои вещи в воде. Уйти – некуда.

Подумав над разгадкой сна, я решила навестить Александру, неоднократно приглашавшую меня в гости.

– Так неудобно. Нет аперитива. Закончился херес, – посетовала светская дама, открыв дверь. – В загородном доме идет ремонт, ютимся здесь, как бомжи.

Квартира находилась в центре города и была довольно милой.

– Обычно летом здесь живет прислуга. – Александра нервно покусывала губы. На ней было роскошное кремовое платье, сшитое на заказ.

– Не беспокойтесь, пожалуйста. Я только за книгой.

Домашняя библиотека Александры занимала сорокаметровый зал с высокими сводами. Люстры в виде хрустальных деревьев цеплялись корнями за потолок.

Вьющиеся зеленые растения образовывали стрельчатые арки.

– Вадим уехал отдыхать на Гавайи. Скучаю, – грустно сказала Александра.

– У вас хороший сын. Помню, как он разрешил меня прописать.

Поблуждав среди стеллажей, я выбрала произведение «Ты вечен» Л. Рампы. Как и я, автор считал порочным пить алкоголь, называя его злом, разрушающим астральное тело.

Выпив кофе с десертом, в котором присутствовали мед, фрукты и миндаль, мы расстались.

Несмотря на усталость, всю ночь напролет я читала о том, что никакого ада не существует: после смерти каждая душа осудит себя сама. Минувшие дни просочатся в сознание, словно запах ароматных свечей.

Судить самого себя – страшно. Я не хочу еще раз увидеть и пережить войну.

Красная аура у полководцев, коричневая – у тех, кто убивал, голубая аура у людей добрых, но нерешительных. Синяя – у миссионеров. Зеленая – у врачей. Серая – у больных. Золотистого цвета – у праведников. Фиолетовая аура – удел мистиков и шаманов. Посмотрев на свою руку, я убедилась, что золото с голубыми искорками на месте, и успокоилась.

Мне хотелось поделиться с адвокатом-мистиком знакомством с Егором из магического подразделения КГБ, но в адвокатском бюро мне ответили, что такой у них больше не работает.

Новое жилье требовало нашего внимания, поэтому я переключилась на бытовые дела. Сразу выяснилось, что водопроводный вентиль в квартире протекает. Чтобы не затопить соседей, нам пришлось отремонтировать трубу, и впервые за десять лет мама спокойно приняла ванну.

На третий день нашего проживания пришел счет по оплате электричества. Позвонив по оставленным Настей телефонам, я услышала: «Вы не туда попали!»

Первого мая 2005 года в России справляли православную Пасху.

Солнце целый день боролось с темными тучами, и до полудня никто не одержал победу.

В народных преданиях говорится: если на Пасху дождь – христиане уподобились грешникам и Бог плачет над их душами, если солнце – люди чисты и праведны. На Ставрополье, судя по погоде, хватало и тех, и других.

К вечеру все-таки хлынул ливень, и сквозь него нам попыталась дозвониться подруга моей матери Валентина, чудом выжившая в Грозном с дочерью Аленкой. Сейчас бывшие грозненцы жили в двухстах километрах от Ставрополя. Мы смогли однажды повидаться после войны. Они поразились, увидев нас в живых.

Валентина сообщила, что ее муж Саша внезапно умер. Она не знала, что делать: брак не был зарегистрирован официально, и теперь, вероятней всего, государство выгонит ее с дочерью из домика-развалюшки на улицу.

– Вы приедете на поминки? – спросила Валентина.

– Прости, родная. Растет долг за жилье. Нет денег на билеты.

Соболезнования мы высказали по телефону.

Однако для того, чтобы выразить благодарность Савелию Аркадьевичу, серьезных затрат не требовалось. Отдохнув пару дней после разбора мешков и коробок, мы направились в прокуратуру.

Служебный вход был заперт, а официальную приемную сторожила габаритная вахтерша с оскалом Цербера. Она все так же восседала за массивной тумбочкой для белья. Я заметила, что книги, ранее используемые вместо

табуретки, смялись и небрежно валяются в углу. Тома по истории КПСС под пышным задом ставропольской труженицы заменили собрания сочинений Сталина и Ленина.

Служительница охраны при нашем появлении истощено взревела:

– Понтий Пилат – взяточник. Ему деньги носят! А эти, смотрите – конфеты принесли! Не мне – ему, подлецу! Убирайтесь отсюда! Жалко, что вас в Чечне не прибили!

Мама обозвала ее дурковатой шестеркой и пообещала рассказать о «взятках» прокурору. У нас действительно была с собой небольшая коробка конфет, этакий символический подарок за бескорыстные старания.

Вахтерша, надувшись как сыч, объявила, что секретарь велела ждать до шестнадцати ноль-ноль. Это было неприкрытой ложью, учитывая, что мы пришли к часу дня. На самом деле секретарь приказала впустить нас без промедления.

Благодаря юности и гибкости я прорвала «блокаду», обойдя вахтершу с правого фланга. Влетая в кабинет Савелия Аркадьевича, я успела заметить, что веник, будто катана, сверкнул в руках труженицы охраны, а мама атаковала ее двумя томами по истории КПСС. Они сражались на равных: негодование против озлобленности.

Прислушиваясь к шуму, доносившемуся из коридора, прокурор наотрез отказался взять конфеты. Но я все-таки положила их на стол. Пилат был порядочным человеком. Наверное, поэтому у него так много врагов. Я поблагодарила прокурора, взяла академическую справку и вышла.

Взъерошенная вахтерша сидела за перевернутой тумбочкой и трясла головой. Рядом с ней лежал сломанный пополам веник. Мама стояла у окна и пыталась покрыть волосы порванной косынкой.

Увидев меня, вахтерша стала визжать как резаный поросенок:

– Нищие! Из поганой Чечни. Я тут главная! Кого хочу – унижаю, кого хочу – милую! Правильно наши вас в Чечне уничтожали. Русские из Чечни – чечены! Пилат – вор. Конфеты ему носят!

Мама оставила свою затею и повязала косынку как шарф. К ней вахтерша не приближалась, предпочитая орать из-за баррикады.

Я, разгневавшись, сказала:

– Ты – наглая старая хамка.

Застучав по скрипучему полу ногами, вахтерша вскричала:

– Черные из Чечни!

В этот момент мое терпение окончательно лопнуло. Я выставила перед собой ладонь, как делали древние жрецы и пророки, и грозно произнесла:

– Вас давно не бомбили? Желаю вам столько осколков, сколько было у меня в ногах. Аминь! Пусть ваши внуки узнают на своей шкуре, что такое война, раз вы желаете этого невинным. Аминь!

Вахтерша потеряла дар речи. Лицо ее покрылось багровыми пятнами. Она вскочила, пошатнулась и свалилась обратно на рассыпанные собрания сочинений Сталина и Ленина.

Ни слова от нее мы больше не услышали. Я взяла мать под руку, и мы ушли. Задыхаясь от внезапно разыгравшегося приступа тахикардии, я вслух размышляла над тем, что в России принято издеваться над людьми: в детском саду ребенка бьют, если он не слушается, в школе – унижают бедных или тех, чья национальность отлична от национальности большинства, в армии процветает дедовщина. Граждане привыкли и не смеют роптать. Власть всегда указывает место безмолвным рабам. Система не сбавляет обороты.

– В молодости я верила, что все изменится к лучшему, – сказала мама. – Теперь не верю.

Открытие магазина «Алая роза» на улице Пушкина и летняя сессия совпали.

Безграмотно заполненную академическую справку в университете забраковали, но зачислили меня вместо третьего курса на первый. Со специальности «учитель начальных классов» я перешла на факультет общей психологии и обнаружила, что многие студенты учатся платно. Бюджетные места, когда студент не оплачивал свое образование, распределялись по итогам конкурса. В Чечне никто официально не платил за обучение.

Ректор ставропольского вуза распорядился выделить для меня бюджетное место, учитывая, что я и мама – беженцы.

Преподаватель, строгая дама в очках, предупредила студентов:

– В центральном парке маньяк зарезал пять молодых женщин. Не ходите вечером. Милиция не поможет!

Мне предстояло сдать тринадцать экзаменов, семь контрольных и несколько десятков зачетов. Никто кроме меня не верил, что это получится. Время было безвозвратно упущено из-за отсутствия нужной справки: студенты проучились несколько месяцев, а у меня оказался нешуточный долг, чтобы закрыть семестр.

Замдекана в первый же день не приняла зачет.

– Здесь вам не Чечня! Тщательней учите материал! – Ее рассердили мои знания о психологии человека.

Зато историк спросил, как обстоят дела в Грозном, а выслушав, поставил зачет.

Я решила сдавать несколько предметов ежедневно, а между ними писать контрольную работу по естествознанию.

Ян Рафаилович отпустил меня на сессию при условии, что после полудня я буду появляться в магазине. Команда, с которой мне предстояло работать, решению руководства не обрадовалась.

– Какая дерзость! – без конца восклицала Каролина. – Почему у нее исключительное положение?! Чихать мы хотели на ее университет!

Директор магазина, грузный армянин средних лет по имени Эверест, и его заместительница Каролина, тощая и визгливая дама, приходились друг другу близкими родственниками. Продавцами руководила Саша – сорокалетняя женщина без определенного места жительства. При знакомстве она прямолинейно заявила о своей любви к горячительным напиткам и щедрым мужчинам. Пиджак, наброшенный на голое тело, свидетельствовал о том, что Саша явилась на работу после вечеринки.

Помимо меня взяли еще шесть продавцов на девять отделов, что являлось нарушением закона, но, как сказал Эверест, главное – экономия на сотрудниках и прибыль для руководства.

С радостью я поприветствовала Анну, бывшего редактора газеты «Экватор». Ее направили работать в отдел русской классики. Лесю, молодую черноволосую женщину модельной внешности, решили поставить на кассу. Леся, несмотря на жару, была в плотных джинсах и лакированных туфлях на высоких каблуках. Она взяла на себя роль лидера, но Саша ее осадила:

– Ты, безродная приживалка, умолкни!

Не прошло и двух минут, как Саша сделала достоянием общности личную жизнь Леси: та приехала из деревни и живет с богатым стариком, который периодически нещадно избивает бедняжку, выгоняя ее с ребенком за порог.

Пухленькая юная украинка Ванда, кокетничая, сообщила, что занимается эротическими танцами и может велить руководство на любом корпоративном мероприятии. Ванде достался отдел статуэток, фотоаппаратов и подарочной упаковки.

Пегая Жанна, с глазами навыкат, захватила детский отдел. При этом она истошно кричала: «Никому его не отдам!»

Эверест, услышав об истерике, распорядился, чтобы детский отдел передали мне. Оспорить это решение никто не успел. Прибыла фура, в которой было четыреста ящиков с книгами, по двадцать килограммов каждый. Первая партия, призванная заполнить пустые стеллажи.

– Грузчиков нет, – хихикнула Каролина. – Вперед! Разгружайте!

Длинный горбатый нос Каролины невольно заставлял думать, что перед нами молодая баба-яга. Замдиректора в прозрачной тунике кружилась в мягком кожаном кресле и, разумеется, сама ничего разгружать не собиралась.

– Кто не согласен, тот знает, где выход. – Саша поправила пиджак, поскольку из-за отсутствия нижнего белья у нее безобразно оголилась грудь.

Перетаскивая ящики, мы падали от усталости: Анна разбила коленки, Ванда порезала руку, а Жанна хваталась за поясницу. Жаловаться и роптать никто не посмел из страха потерять рабочее место. Мои ноги разболелись так, что я едва не потеряла сознание и настолько плохо соображала, что не помнила свое имя. Словно в тумане, через пару часов тяжелого труда я заметила, как рядом промелькнули две тени. Едва ли это были наши друзья...

Дозвониться до них было невозможно целый месяц, и мы с мамой заподозрили, что произошло нечто ужасное. Захар и Николая исхудали. На них были вещи с чужого плеча. Никола собрал волосы в хвост и заколол их заколкой, чтобы не мешали. Захар сильно кашлял.

– Что вы здесь делаете? – спросила я.

– Нас взяли на работу! Теперь мы продавцы в отделе школьной литературы и детективов, – ответил Никола.

Ребята вместе с нами включились в разгрузку.

Леся, сбросив туфли, босиком таскала коробки в глубину магазина. Саша командовала, стоя внутри кузова. Каролина, накрасившись, уехала домой, а директор занял мягкое кресло на колесиках и светился от удовольствия. Радовался, что сэкономил на грузчиках.

Крупные капли дождя прибили всю пыль южного города и понизили температуру в панельных многоэтажках, раскалившихся за день от палящего солнца. Пышные конские каштаны заблагоухали, а фонари, возвышавшиеся с двух сторон улицы, создавали неповторимую игру светотени в кронах деревьев – от светло-зеленой до темно-коричневой.

Протянув руку и коснувшись ветки, на листьях которой аккуратно повисли мелкие капельки, я мгновенно нарушила их равновесие, за что и поплатилась – попала под обильный душ. Так завершился мой первый рабочий день в книжном магазине.

На следующее утро я побрела в университет. На лекции по эмпатии я познакомилась с парашютисткой. Русская девушка, родившаяся в Ставрополе, была без ума от экстремальных видов спорта. Парашютистка открыла мне глаза на некоторые секреты обучения.

– Преподаватель Трофим Вишня – скотина, бывший майор милиции. Тарифы устанавливает на все экзамены и зачеты! Четверка у него стоит восемьсот рублей!

Узнав эту информацию, я сразу предупредила специалиста по взяткам, что отвечать буду сама, денег не дам и, если что, напишу о нем статью в газету. Скрипя зубами, Трофим Вишня поставил мне тройку бесплатно. Парашютистка сумела записать на диктофон его непристойное предложение. Ей он поставил «отлично».

Проработав месяц в магазине «Алая роза», я узнала коллег гораздо лучше.

Саша ежедневно приходила в пиджаке на голое тело, опохмелялась рассолом и начинала покрикивать на тех, кто медленно шевелился, раскладывая книги по полкам. Каролина при этом звонко хохотала, а добродушный на вид директор Эверест придумал настоящее издевательство над младшими сотрудниками.

– За двенадцать часов рабочего дня никто не имеет права присесть на стул, – объявил он.

Его мясистое лицо ликующе ухмылялось.

На людей было жалко смотреть: робкие, забитые, сломленные в самом начале своего пути, они вынужденно подчинились чужой нелепой дурости. Данное правило Эверест ввел через неделю после того, как мы, помимо работы продавцов, взвалили на себя роль уборщиков, грузчиков и курьеров. От его нововведения на ногах ментально полопались вены.

Мою маму Эверест взял в магазин уборщицей: она должна была мыть полы, двести пятьдесят квадратных метров, два раза в день за сто долларов в месяц.

Если сложить наш общий заработок, за который нужно было расписываться в разных ведомостях Яна Рафаиловича, получалось, что мы можем снимать квартиру на Некрасова и питаться один раз в день. Мы предпочитали макароны или рис, политые томатом. Дешево и сердито. И похоже на Северную Корею.

Несмотря на хроническую усталость и недоедание, мне удалось сдать экзамены и зачеты. Только высшая математика не покорила: все пять школ в Грозном, где я училась, по очереди разбомбила русская авиация, поэтому дроби и переменные так и остались для меня загадкой.

– Не можете сдать контрольную работу – я пойду на встречу, – любезно предложила педагог университета. – Давайте пятьсот рублей!

Я покраснела, в отличие от других студентов искренне считая позором подобные отношения.

– У меня денег нет, – пролепетала я.

Но педагог по математике не разжалобилась, а, наоборот, строго сказала:

– Как будут, поставлю зачет. Всего доброго!

Я шла по университетскому коридору к зеркальному лифту, которого побаивалась, поскольку он периодически застревал с пассажирами на два-три часа, и думала о том, что взятку придется дать. Человек теряет невинность, идя на сделку со своей совестью, и мне хотелось запомнить свои ощущения. Успокоением служила лишь отсрочка, что все плохое случится потом, не сейчас, поскольку Настя требовала оплатить жилье, а я находилась в ожидании первой зарплаты.

С помощью ближайших соседей удалось выяснить, что Настя – племянница настоящей владелицы, уехавшей в санаторий и ничего не подозревающей о сдаче ее имущества. Предприимчивая молодая юристка воспользовалась отсутствием тетушки, переместив ее личные вещи в подвал.

Все, что происходило вокруг, было частью мозаики, придуманной Богом. Кто я в Его игре? Мне приходилось срисовывать Его реальность и хранить ее на страницах дневника, считая это возложенной на меня миссией.

Июньское солнце щедро рассыпало по моим щекам веснушки. К веснушкам окружающие относились отрицательно, поэтому мама велела мне мазать лицо кремом. Веснушки бледнели, но не исчезали.

– Посмотри на русских девушек. Они красивы, спортивные и сексуальны. Любая из них может завлечь мужчину в постель и помочь деньгами своим близким. Ты – страшная. У тебя парня не было и нет. По чеченским меркам ты старуха, а по русским – неопытная, ты совсем никому

не нужна, – не переставала «подбадривать» меня мама, собираясь в шесть утра на работу.

В свои двадцать по ночам я видела кошмары, доносящиеся, как эхо, из полости войн, и помимо этого должна была выстоять не только против несправедливости, но и против порока. Если водитель Женя в трудных жизненных ситуациях опирался на учение Христа, мне помогали истории о Януше Корчаке, вошедшем с воспитанниками детского дома в газовую камеру, чтобы рассказывать им напоследок сказки, и о Махатме Ганди, проповедующем ненасилие.

В отделе детской литературы мне нравилось. Но приходилось все время стоять на ногах. Суббота и воскресенье, когда не было занятий в университете, были особенно жестокими: с девяти до девяти я не могла прислониться к стене, отчего к вечеру начинался звон в ушах, я переставала различать лица людей и все пространство сливалось в единый пласт. Стоять двенадцать часов на ногах, израненных осколками от ракеты, – настоящая пытка!

Директор, дремлющий в кабинете, не был расположен к переговорам.

– Вы же понимаете, через полгода продавцы не смогут ходить, у них начнется варикозная болезнь, – пыталась образумить его моя мама.

– Плевать! – Эверест благодушно махал рукой, покачиваясь в мягком кожаном кресле. – Выгоню этих и наберу новых. Ничего личного. Чистый бизнес!

Никакие увещевания на него не действовали.

– И еще, – заявил директор, – обед длится пятнадцать минут! Здесь я определяю, сколько вы будете есть. Питаться следует в подсобке. Быстро пожрали, и за работу!

Мы с мамой переглянулись: в подсобке не было стульев, но имелось окно и можно было хотя бы облокотиться на подоконник.

– Я начинаю вас ненавидеть, – выходя из кабинета директора, буркнула мама.

Парни и девушки в вузе поначалу неодобрительно отнеслись к платку, периодически появлявшемуся на моей голове, а затем привыкли.

В последний день летней сессии наша группа занималась в высотном здании, где раньше, в советские времена, находился завод. Высокую мрачную башню кольцом окружал лесопарк.

Во время обеда студенты в столовой заспорили по чеченскому вопросу.

– Нельзя воевать! – твердила я.

– Надо! Чеченцы русским отрезали головы! Террористы! Исламисты! Солдата убили, потому что он не снял нательный крест! – горячились девчонки.

– Надо было туда сбросить ядерную бомбу! – поддержали их парни.

– Взорвать к чертям! – одобрил настрой студентов Трофим Вишня, сидевший за соседним столиком.

– Лучше опустить железный занавес и оставить республику в покое. – У меня по чеченскому вопросу имелось свое мнение.

Шумным компаниям я предпочитала одиночество. Всего, что видела на войне, не расскажешь, а даже если получится, не поверят, ответят, что такого не может быть.

Оставив группу, я пешком поднялась на верхний этаж и прижалась к оконной раме. За стеклом были видны разбитые, разворованные заводские ангары. Мне вспомнился Грозный, военное детство и то, что сделало меня непоколебимой. Я ли это сейчас? Почему мой характер с возрастом становится мягче и уступчивей?

Парашютистка, приехавшая на лифте за мной, сказала:

– Тебя позвали поговорить.

Эту фразу я слышала десятки раз. И означала она только одно: будут разборки. Так было в младших классах школы, когда чеченские дети искаженными ртами выкрикивали проклятия, услышав мое русское имя. Так было в старших классах, когда я дралась, чтобы меня не изнасиловали, а мои порванные тетрадки и книжки летели в форточку. Культ силы признает только силу. В чеченском обществе это мне объяснили наглядно, начав уважать и бояться, после того как я в бешенстве несколько раз отлупила негодяев. Как банально, что на сорок пятой параллели ничего не изменилось.

– Ты идешь? Разговор есть, – повторила Парашютистка. – Тебя ждут за корпусом.

Эх, решила я, будет драка. Наверное, они всех «черных» ненавидят. Смалодушничать нельзя – это позор. Волк – символ бесстрашия и могущества на земле, где я родилась. Волки не сдаются и не уступают. Усмехнувшись собственным мыслям, я дотронулась до тонкого лезвия, спрятанного в сумке. Это был не тот нож, который я носила в чеченскую школу. Тот нож был старый, с потрескавшейся рукоятью, и мы резали им дома хлеб. Сейчас в верхнем отделении сумки лежал изящный кинжал, найденный мной в антикварном магазине.

– Иду, – ответила я.

Сколько их будет за корпусом? С пятерыми я справлюсь, а если больше? Я не имею права опозорить предков. Мы, рожденные в Чечне, не отступаем перед сотней врагов, живем и погибаем так, чтобы про нас потом слагли легенды.

В лифте мне удалось переместить кинжал с рукоятью в виде орла из сумки в рукав кофты-накидки.

Парашютистка спросила:

– Все в порядке?

– Конечно, – ответила я, мысленно готовясь к тому, что удар может быть неожиданным.

Коридор на первом этаже оказался пуст: после обеда преподаватели и студенты разошлись, а столовую закрыли.

Перед корпусом университета нагрелись тротуарные серые плитки. Выйдя из главных дверей, мы свернули к парку, где неизменно лежала гора мусора. Запустение в этом районе скрашивали деревья, их кроны местами скрывали разрастающуюся свалку.

– Я тут подумала, – сказала моя спутница, – может, ты не пойдешь туда?

– Отчего же? Раз позвали, пусть увидят, кто перед ними.

– В смысле? – удивилась она.

Я пожала плечами. Не люблю посредников. Меня всегда раздражали шестерки и помощники. Предпочитаю говорить с тем, кто главный.

– Знаешь что, – неожиданно предложила Парашютистка, – стой здесь. Я сама к ним схожу.

Девушка нырнула за припаркованные машины. Клинок плавно спустился из рукава в ладонь, и пальцы руки сжали рукоять. Если верить словам торговца, продавшего мне кинжал за серебряную монету, когда-то он принадлежал персидской царевне.

На ветвях пели птицы, радуясь новому дню, ворона таскала огрызки и бумажки, складывая их у переполненных мусорных баков. Вздохнуть полной грудью, как учат тибетские мудрецы, у свалки было проблематично.

Парашютистка уже спешила обратно. Ее светлые волосы прыгали в такт быстрым шагам, и она слегка задыхалась. Приблизившись, девушка протянула мне бумагу, сложенную вдвое. Первое, что мне пришло в голову, – традиции русских для меня неразгаданная тайна. У нас никто не пишет друг другу трактаты, перед тем как намылить шею.

– Девочки сказали, это тебе! – выдохнула Парашютистка.

– Мне?!

– Ты только не обижайся. Я в данном деле на посылах. Сказали передать – выполнила приказ!

Приглядевшись, я поняла, что у нее в руках конверт. Обычный почтовый конверт, прилично измятый. Правую руку я загородила сумкой, и кинжал спрятался в рукаве, подобно змее.

Парашютистка потупилась, приняв мою напряженность за отказ взять письмо.

– Ладно, – сказала я. – Что там?

– Открывай! – обрадовалась она.

Я взяла в руки конверт, готовясь увидеть ультиматум, и сделала соответствующее лицо. В конверте лежали деньги.

– Что? Что это? – совершенно растерялась я.

– Студенты с факультета узнали, что ты из Грозного, и сложились. Кто-то дал пятьдесят рублей, кто-то сотку. По карманам собирали. Купишь себе еды. Вы же беженцы.

У меня перехватило дыхание. Я была не в силах вздохнуть несколько минут, щеки и шея мгновенно порозовели от внезапно подскочившего давления. Мир ценностей рухнул, а затем восстановился. Чудеса бывают даже в аду.

– Спасибо... – только и смогла произнести я.

Парашютистка удалялась прочь по замусоренной дорожке.

– Убегаю! Автобус если уедет, два часа потом следующего жди! – крикнула девушка. – Я живу на хуторе Дырявый Сапог!

В конверте лежало шестьсот рублей. Если тратить экономно, этого хватит на неделю. Малознакомые люди, чужие мне ментально, никогда не понимавшие рассказов о войне, неожиданно протянули руку помощи.

Вместе с окончанием сессии потянулись бесконечные дни в книжном магазине.

Из-за жестоких правил, установленных начальством, продавцы присаживались отдохнуть на ледяной пол, выложенный кафельной плиткой, и дрожали от страха – не дай бог увидит Эверест, Каролина или Саша. Над нами гудел кондиционер, включенный на полную мощность. Мы вздрагивали от каждого шороха, принимая его за шаги руководства.

Глаза Леси опухли от слез: сожитель буйствовал и выгонял ее из дома. Идти ей было некуда. Ребенок от прошлого брака заикался после избиения. Социальных служб, которые бы поддержали неимущих или страдающих от семейного насилия, не имелось. Весь день, двенадцать часов подряд, Леся стояла на ногах и плакала. Кассиру стул не полагался так же, как продавцам.

– Стулья развращают человека, свидетельствуют, что во время работы можно и отдохнуть, – объяснил свой запрет директор.

Иногда я присаживалась на самый край узенькой книжной полки всего на несколько секунд и кусала губы до крови. Сердце замирало от шагов – нельзя, чтобы кто-то увидел. Сразу выгонят из магазина, и мы умрем с голоду. И, вскакивая, я становилась навтыяжку подобно оловянному солдатику из детской книжки.

Вечером до ног было не дотронуться. Судорогами сводило мышцы. Поскольку сам директор Эверест и весь его клан никогда не стояли по двенадцать часов кряду, они не знали, как это смертельно опасно, больно и унижительно.

Попади мы в больницу, мы были бы обречены, поскольку никто не стал бы оплачивать нам лечение. У нас не было медицинских страховок, мы были никем в своей же стране.

Оформление на работу подстроили так, чтобы руководство не платило налоги. Мама пахала без выходных. У нее их не было даже в воскресенье. Так выглядела русская демократия, похожая на самый отвратительный вид капитализма.

Я взяла на себя грех и пожелала директору и его детям на своей шкуре прочувствовать все, что он заставлял переживать нас. От боли человек становится озлобленным.

Спать до утра приходилось, забросив ноги на подушку, чтобы восстановить ток крови. Другие продавцы спасались кремом от варикозного расширения вен и рыдали украдкой.

Лето мы видели через стекло. Мы появлялись в магазине за час до открытия и уходили через час после того, как он закрывался, чтобы сделать вечернюю уборку. До слез было жаль загубленного времени: человек состоит из дней.

Из-за невозможности заниматься любимым делом душа страдает. Жанна мечтала в детстве стать художником. Прячась за стеллажами, она рассматривала каталог с репродукциями Босха и водила рукой в воздухе, словно у нее были краски и кисть.

– Работать, размазня! – кричала на нее Каролина. – Нахлебница нам не нужна!

Николя погрузился от забот. Мой друг любил музыку и восточные танцы, что для мужчины редкость.

Мы с Захаром перебросились парой фраз. Говорить на личные темы на работе было категорически запрещено, но он успел рассказать, что давно не был в горах и ему снятся снежные вершины.

Брата Ванды убили в драке. У нее появился тик на правом глазу, и она придерживала щеку ладонью. На похороны ей выделили один день.

– Явишься позже – считай, уволена, – объявила Саша.

Ванда, снимавшая с больной матерью и младшими сестрами комнатку в общежитии, вернулась вовремя.

В магазин пришел работать охранник Костя. Он был слегка не в себе после Чечни, где служил наемником. Представительный и лысый, он словно сошел с экрана черно-белого советского фильма о Второй мировой. Костя носил черную форму охранника с блестящей стальной пряжкой на широком ремне. Мы сразу с ним поспорили из-за шкафчика для одежды: он попытался захватить мой. Шкафчик я отвоевала. Не сумев оккупировать мебель, охранник с безумным и холодным взглядом попытался задеть Николая.

– Чего ты ходишь лохматый? Педик, что ли? Я тебя обстригу!

– Какого черта тебе надо? – огрызнулся Николай.

Рядом с охранником мой друг выглядел как Давид рядом с Голиафом.

– Николай – мой парень. Закрой рот, – предупредила я Костю.

Николай от моих слов смутился, но не возразил.

Моя мама ругала Костю несколько дней подряд. Бывший солдат не умел пользоваться унитазом: на хуторе, где он родился, их не было, а в ставропольском общежитии туалет представляет собой деревянный сарай за домами, как и двести лет назад. Поэтому Костя промахивался.

– Целься в дырку! – возмущалась моя мама.

В ответ Костя недовольно топал ногами.

В отличие от нас редактору Анне Костя сразу понравился, и она решила его соблазнить.

– Все равно мужиков нормальных нет, а я много лет одна, – заявила Анна женской половине коллектива.

– Он младше тебя лет на десять...

– Мне хочется ребенка, а кто станет отцом – все равно, – парировала Анна. – Я живу с прабабушкой во времянке. Там нет воды, но для ребенка я бы носила воду из колодца и купала его.

– Работая по двенадцать часов плюс два часа уборки?! – попробовала я вразумить Анну.

Все посмотрели на меня как на чудовище.

– Мы все так живем! – зашептали молодые женщины. – Жаловаться не будем, иначе нас ждет улица, а там только проституцией зарабатывать!

На следующий день выдалась ненастная погода. Анна, игриво хихикая, распахивала кофту, показывая обтягивающую майку с веселым котом, измазанным сметаной. Костя курил в проеме входной двери, и она время от времени интересовалась погодой:

– Будет дождик?

– Нет! – басил Костя.

Задавая вопрос, Анна одной рукой приподняла свою юбку, явив миру голые ножки.

– Посмотри, – настойчиво сказала она Косте, – я сняла колготки.

Костя глянул, шумно вздохнул и бросился наутек, едва не сбив с ног Николая, замершего посреди торгового зала с открытым ртом.

К вечеру Костя и Анна уже дружно беседовали. Дело в том, что кто-то пустил слух о моем чеченском происхождении. Костя сильно испугался. Когда, уставшие, ближе к десяти вечера я и мама покидали магазин, он галантно распахнул перед нами двери и нарочито вежливо улыбнулся.

– Нас не бойся, – сказала ему мама. – Бог тебе судья.

Костя печально вздохнул и промолчал.

В июле в магазин пришла молодая женщина и попросила взять ее на работу.

– Оксана, – назвала она свое имя.

Оксана была одета в летний сарафан изумрудного цвета, лямки которого переплетались на спине, как тропические лианы, эффектно подчеркивая татуировку в виде тигра.

– Пойдем, покажу тебе кабинет директора, – сказала я.

Поскольку было время обеда, руководство, заказав из итальянского ресторана пиццу, заперлось и устроило пиршество. Удел продавцов – чай без сахара и в лучшем случае бутерброды.

Директору доложили, что соискательницу зовут Оксана, и он распорядился, чтобы она ждала окончания трапезы.

В подсобке не было стульев, поэтому я расположилась на подоконнике, а Оксане предложила присесть на деревянный ящик, непонятно каким образом оказавшийся в комнатке, где мы переодевались. Пластмассовый чайник на полу вскипел, и, заварив пакетиком чашку чая, я протянула ее молодой женщине. Себе я заварила этим же пакетиком чай в стакане.

По Трудовому кодексу работникам полагается часовой перерыв, но Эверест сразу сказал: пятнадцать минут, и ни секундой больше.

Оксана спросила меня:

– Как ты попала в магазин?

Я только открыла рот, чтобы ответить, как из кабинета директора раздалось:

– Молчать! Я никому не разрешаю говорить во время еды!

– Сейчас восьмая минута моего отдыха. Осталось еще семь минут, – возразила я.

Директор рявкнул:

– Оксана, заткнись! Полина, ступай в отдел!

Я взяла посуду и сказала новенькой:

– Протру подоконник, а ты иди.

Но она возразила:

– Ты помой стакан и чашку, а я здесь уберу. Обещаю.

Когда я вошла в свой отдел детской литературы, покупателей не было. Издали увидев старшего продавца Сашу, я посетовала:

– Торопилась. Не выпила чай, вылила его в раковину. А в отделе никого нет.

Появилась толстенная физиономия директора.

– Если в твоём отделе нет покупателей, иди в другие и работай!

– Свой отдел бросить? – спросила я.

Саша нырнула в бытовку, где осталась Оксана.

– Чей круг от стакана на подоконнике?! – грозно спросила она.

– Полинин, – задрожала еще не оформленная сотрудница.

– Ах так! – взвизгнула старший продавец. – Я ей не спущу! Я ей отомщу! Я ее ненавижу! Ты! – приказала Саша Оксане. – Не вытирай след от стакана. Пусть он останется на подоконнике, я сейчас сюда директора приведу.

И нырнула в дверь.

Поколебавшись, Оксана все же побежала к раковине и, схватив первую попавшуюся тряпку, намочила ее и метнулась обратно – вытирать подоконник!

Выскочила взлохмаченная Саша, любительница вечеринок, и заорала:

– Иди-ка сюда!

– Что тебе нужно? – Я почуяла неладное.

Старший продавец крепко держала за руку директора и волокла его за собой, как куль с картошкой. Эверест покорно плелся следом.

Я шла позади всех.

– Вот! – завизжала Саша, указывая пальцем на сияющий подоконник. – Ой, круга-то нет...

Директор выдернул свою руку, топнул ногой и молча скрылся в кабинете. Выдержка какая! Настоящий кавказец!

Наедине со мной Саша почувствовала себя неловко. Она проямлила:

– Бывает, забудешь что-нибудь вытереть, но это ничего...

– Это я за вами, паразитами, все время убираю! А ты еще смеешь врать и людей против меня настраивать? – зыскательно спросила я.

Саша ретировалась, лопааясь от злости, что ее затея провалилась.

Я притащила Оксану в кабинет директора и заставила его выслушать, как все было на самом деле. Директор склонился над бумагами и сидел тихо, а Саша спряталась и делала вид, что чистит туфли за его креслом.

После этого происшествия Оксана наотрез отказалась работать в нашем магазине, о чем с радостью сообщила Эвересту.

– Двенадцать часов стоять на ногах невыносимо! Коллектив ненадежный! Вы злой и глупый человек, – сказала она в лицо директору.

Как только прекрасная женщина вышла из дверей «Алой розы», Каролина фыркнула:

– Старуха! Ей тридцать четыре года! Нам такие не подходят!

Меня всегда поражала подлость. Видя ее каждый раз в новом свете, я ценила редких людей, непричастных к ней. Захар и Николая были такими.

Смертельно уставшие, они практически не разговаривали со мной во время работы. Помимо всех обязанностей,

директор определил их дополнительно на утреннюю разгрузку фуры. Ребята практически не спали, иногда до утра оставаясь в подсобке. В краткие минуты перерыва они курили вместе с моей матерью, прячась за угол магазина.

– Если бы я мог, то разрушил этот мир, – сказал Николая. – Мир жестокости и обмана.

Мама собрала мелочь и отдала им на жареные пирожки с капустой.

Захар признался, что у них в данный момент нет жилья и они ночуют в подъезде между вторым и третьим этажами, надеясь, что жильцы их не прогонят, а также не убьют фашисты, которые выслеживают бомжей.

– Летом так перекантуемся, подкопим денег, а после снимем комнату, – пообещал Захар и добавил: – Хорошо, когда можно остаться в подсобке.

– А где ваши родные? – спросила мама.

На этот вопрос никто из парней не ответил.

– Наверное, там же, где и наши, – заключила мама. – Их просто нет.

Директор появлялся ближе к полудню. Он, проплывая мимо книжных рядов как рогатая мина, басил:

– Пошевеливайтесь, засранцы! За работу, вашу мать!

Часто директор начинал кричать, еще не выйдя из красной иномарки, припаркованной у магазина. Костя, который должен был целый день стоять у входной двери, при виде начальства шептал:

– Гора движется! Сейчас всколыхнется почва. Возможно цунами.

На бледном с зеленоватым оттенком лице охранника возникала улыбка. Мы невольно отвечали ему благодарным кивком и, шатаясь от головокружения, вскакивали с ледяного пола. Занимая боевые позиции, мы стремились принять рабочий вид: кто-то протирал книги от пыли, кто-то бестолково переставлял их с места на место.

Саша, почувствовав приближение Эвереста, выбегала из кабинета, где до этого сидела в кресле, положив ноги на стол. Старший продавец начинала суетиться, отдавать несурзные приказы, всем видом подчеркивая, что усердно трудится.

Директор шел к себе, а для нас наступало самое тяжелое время: Саша и Каролина, словно два коршуна, придирались по пустякам под стать Золушкиным сестрам.

– Кто тебе разрешил улыбаться? – кричали они на Ванду. – Рот свой захлопни, хохлушка!

Ванда смущенно молчала.

Саша могла снять босоножки и отшлепать ими Анну или Лесю. Те в ответ только жалобно стонали, боясь гнева старшего продавца.

– БДСМ в чистом виде, – сказал, выглянув из-за стеллажа, Николая.

– Что?! – удивилась я неизвестному слову.

Николя начал было объяснять, но появился Эверест и заорал:

– Перестаньте копошиться, свиньи! Живо пахать!

Продавцы молниеносно разбежались по отделам.

– Эй, ты! Твоя мать – уборщица. Она вышла, а мы заметили здесь пятнышко. Набрала воды и помыла! – Приказ Каролины был адресован мне.

Чтобы не придрались к матери и не прогнали ее, живущую без прописки, пенсии и медицинского полиса, я без возражений мыла полы, забывая о том, что заведую отделом книг.

Под вечер, когда Эверест и Каролина разъезжались по домам, становилось легче. Саша отдыхала в кабинете директора и никому не разрешала туда входить. Продавцы и моя мама, пользуясь отсутствием руководства, садились на пол.

Если утренняя разгрузка отменялась, Захар и Николая провожали нас до остановки. Мама негодовала:

– Я видела, как Саша химичит на кассе. Грядет недостача. Несколько раз я ловила старшего продавца на том, что она не пробивала чеки. Прятала наличные в свой карман. Когда я спросила, почему она так поступает, она заявила, чтобы я держалась подальше от кассы, поскольку людям из Чечни нельзя верить!

– Придется молчать, – решили двоюродные братья. – Иначе мы потеряем работу. Ничего доказать не получится.

Мои детские мечты о справедливости мира были повержены.

По утрам все старались прийти раньше. Магазин открывался в девять, а продавцы под дверью ждали с половины седьмого. Мы с матерью приходили к семи часам.

Старший продавец каждый день опаздывала, но вела себя надменно и дерзко. Довольно часто от нее пахло перегаром.

– Кому бы записать опоздание?! Эверест приказал снижать зарплату вдвое, если поймаю! – грозилась она.

В день зарплаты выяснилось, что директор оценил наши труды в пятьдесят центов за час. Дополнительно мы расписались на пустом листе бумаги за неизвестную нам зарплату.

– Вам выплатят за полмесяца, – заявил Эверест моей матери.

На ее протесты директор скорчил злую рожу:

– Половину ваших денег я заберу себе! Какое слово в этом предложении вам непонятно?!

– Я убираю территорию, которую по всем нормам трудового права должны убирать четыре человека! – возмутилась мама.

– Это нюансы. Можете жаловаться кому хотите. Ха-ха-ха, – рассмеялся Эверест.

Продавцы, получив зарплату, не смогли сдержать эмоций.

– Мы в жопе! – Ванда заплакала.

– Воистину, – отозвался Николая.

Он и Захар пытались ободрить окружающих шутками.

Вечером, сбежав на пару минут из магазина в зеленый дворик, расположенный за углом, я рассматривала сережку в ухе Николая.

– Сразу ясно, что ты с Кавказа!

– Отчего же?

– На сережке полумесяц и звездочка.

– Каждый видит, что пожелает.

– Не мудри, – рассмеялась я. – Если это не исламский атрибут, то меня зовут не Полина.

– Совершенно верно. Тебя зовут Фатима и Будур. И еще Нейши. Ты сама так говорила. Мы же зовем тебя Жрица и вообще, как понимаешь, не за твои пророчества, а за постоянное желание вкусно поесть.

– Ах ты поганец!

– То-то! Пифия-Пончик изрекла мудрость.

– Если у тебя не полумесяц в ухе, тогда что?

– Это драккар. Корабль-дракон. Так его называли викинги, грабившие соседние королевства. Их боялись и о них слагали легенды. Этот подарок мне сделал Захар, когда работал в мастерской у ювелира.

– Неужели Захар стащил слиток?

– Не в тот раз. Он видел сон, будто мы познакомились с ним давным-давно, в прошлых рожденьях. В последний раз это случилось на северной земле, где под разноцветным небесным куполом читали молитвы Одину.

– Разрешишь примерить?

– Снимать нельзя. Дурная примета. Можешь подойти поближе и посмотреть.

Я встала на цыпочки: серебряный полумесяц неожиданно оказался кораблем древних скандинавов с пару-

сом вместо привидевшейся мне звезды, грозными воинами и зубастой пастью дракона.

Николя закурил сигарету, и вокруг поплыли кольца, которые он легко создавал, предварительно задерживая и сгущая сладковатый дымок во рту. За первым колечком в воздухе появлялось второе, за ними третье, и, сливаясь с первыми, кольца образовывали густой белый нимб. Символы святости покачивались и неспешно поднимались вверх, чтобы растаять и слиться с закатом.

Костя героически прикрывал наши вылазки в сад. Увидев, что я отношусь к нему без претензий за чеченскую войну, охранник начал забредать в мой отдел и рассказывать о себе.

– Ты здесь единственная скромница. – Костя с неприглядным видом то ли похвалил, то ли поругал меня. – Скажи, пожалуйста, Анне, чтобы она отстала и перестала меня совращать!

Оказалось, у Кости есть жена, которая пьет самогон и периодически устраивает потасовки.

– Познакомился с женой в поезде, когда возвращался из Грозного, – поведал охранник. – В Чечне я убивал черных и глушил спирт для храбрости. Ехал на родной хутор под Архангельском. Хутор наш утонул в грязи и навозе. Пять рублей – большие деньги, сознательное население – горькие алкаши. Единственная работа у нас – варить зекам баланду. Тюрьма в десяти километрах от хутора. Была мечта устроиться надзирателем. Но в плацкарте меня заметила девушка. Мы выпили две бутылки водки, а после этого она сказала: «Если женишься на мне, разрешу жить в Ставрополе. Есть комнатка в общеаге!» Я заключил с ней сделку. Это было лучше, чем хутор. Мы вместе пять лет.

Я пообещала охраннику поговорить с Анной.

Как только Костя ушел, меня перевели в главный отдел; оттуда в открытые двери виднелись зеленые деревья, чему я несказанно радовалась. Стоя недалеко от кассы, я приглашала посетителей посмотреть наши новинки. Однажды среди покупателей оказались представительный седовласый мужчина и робкая женщина средних лет с большими глазами.

– Знаете этих людей? – неожиданно спросил мужчина, вытащив из-за пазухи фотографию, на которой красовались Захар и Николая.

Я бросила взгляд на отдел детективов, но ребят не увидела. Военная закалка не позволила мне ответить сразу.

Пришлось задать встречный вопрос:

– А вы кто?

– Я их разыскиваю, – сказал мужчина с металлическими нотками в голосе.

– Нам сказали, что они здесь работают, – объяснила большеглазая женщина и, пока мужчина испепелял меня взглядом, прошептала одними губами «нет».

В этот самый момент я заметила, как Николая и Захар по-пластунски перемещаются мимо стеллажей в сторону бытовки, стараясь сделать это как можно тише, и едва не рассмеялась в голос.

– Мы спросили что-то смешное? – Мужчина был недоволен.

– Нет, что вы. Просто здесь такие не работали и не работают.

– Я же тебе говорила, упрямец. – Женщина благодарно кивнула мне и подтолкнула своего спутника к выходу.

– Ванда, – позвала я коллегу, – поработай-ка здесь, я отойду на минутку.

Украинка разрывалась между тремя отделами.

– Ладно! Только в туалет и обратно, – согласилась она. – Потом меня подменишь.

– Они уже ушли, – примчавшись в бытовку, сообщила я. – То, что вы работаете здесь, осталось тайной.

– Спасибо. – Захар держал за руку бледного Николая. – Это наши дальние родственники приходили, с которыми мы категорически не хотим общаться.

Если честно, в рассказ о родственниках мне не очень поверилось, а вот в то, что ребята могли что-нибудь стащить, вполне. Но я не стала развивать эту тему. Кто безгрешен в этом городе? Кто?

В отличие от мамы у меня иногда бывали выходные.

Воспользовавшись этим, я решила сходить в поликлинику. У меня на ногах вздулись вены.

Первое, что меня поразило, – огромные круглые часы. В поликлинике их было несколько, они висели на стенах вдоль коридора. Все часы остановились много лет назад и успели покрыться толстым слоем пыли. Со стульями тоже была беда. При мне пациент упал, поскольку у стула на скользком, выложенном плиткой, растрескавшейся от времени, полу разъехались ножки. Медсестра невозмутимо вставила ножки в пазы, несколько раз ударила по сиденью кулаком, выругалась матом и предложила больному присесть снова.

На мой вопрос: «Я слышу в кабинете врача стук, там идет ремонт?» девушка в белом халате ответила:

– Там тоже по стулу стучат! Другой мебели у нас пятьдесят лет как нет, а о ремонте вообще лучше забыть.

Невольно вырвалось:

– Россия. Двадцать первый век.

Увидев, что творится с венами, врач посоветовал прикладывать подорожник и пить обезболивающее.

– Если стоять двенадцать часов в день, все равно ничего не поможет. – И он развел руками.

Вернувшись, я заварила на кухне пакетик быстро приготавливающейся лапши для матери и обнаружила, что

она крайне недовольна отсутствием у нас черной икры и норвежской семги. Если честно, я давно не помнила, как они выглядят, хотя в детстве видела их на картинках в домашней библиотеке, а вот мама все сохранила в памяти. Когда-то мама окончила институт, работала старшим воспитателем в детском саду, а затем ушла на крупнейший завод «Красный молот» в отдел снабжения. В те годы недостатка она не знала. Поэтому мама встала, швырнула пиалу с китайской лапшой в раковину и отправилась в ванную комнату, громко хлопнув дверью.

Николя, узнав об этом, написал эсэмэску о том, что дверги, злобные и хитрые духи параллельного мира, любят ради забавы изводить несчастных людей. Разбираться в «Старшей Эдде»¹ мне было некогда, поэтому я попросила не нести ахинею и перестала читать сообщения.

Буйство мамы проявилось сразу после того, как она искупалась и вышла в ночной рубашке, которую носила вместо домашней одежды.

– Ты! – взвизгнула она, и ее лицо исказила ненависть. – Ты виновата во всех моих несчастьях! Будь ты проклята!

На подобные речи, в которых мама профессионал, особенно когда желала мне испытать страдания и боль, сопровождая это хлесткими оплеухами и увесистыми тумачами, я старалась не реагировать с малых лет. Детство мое выдалось очень и очень непростым. Когда малосведущие люди, пытаясь меня приободрить, говорят, какими страшными были чеченские войны, частенько я иронично посмеиваюсь. Не объяснять же каждому встречному, что войны – это далеко не все, что мне перепало как сувенир от Всевышнего.

– Сволочь проклятая! Тварь! – Мама выбросила в мою сторону руку и одновременно застучала голыми пятками

¹ «Старшая Эдда» – поэтический сборник древнеисландских песен о богах и героях скандинавской мифологии.

по полу. – Провались ты пропадом, ничтожество косоглазое! Уродина жирная! Никому не нужна страхолюдина!

Если предложить ей валерьянки в такой момент, она может ударить ножом или плеснуть кипятком в лицо, поэтому я выжидала и надеялась на чудо, которое, разумеется, не произошло. Мама схватила подушку с дивана и, размахнувшись, швырнула ее в меня.

– Дура! Любая проститутка умней тебя! – орала она.

Выяснять, почему незнакомая проститутка из маминной фантазии умней меня, я тоже не решилась, припоминая, как однажды после неудачно заданного вопроса родительница проткнула мне шилом руку. Но ничего спрашивать и не понадобилось: с мамочкой всегда так, можно не выяснять истину, которую все равно разжуют и выплюнут.

– Я вынуждена из-за тебя голодать! В доме нет денег! Не-е-ет! – Мама толкнула столик на колесах, и тот перевернулся, загрохотал по паркету, чашка отлетела и звонко разбилась о стену соседней квартиры. – Родила в муках! Вырастила! Пестовала! И где благодарность? Деньги где?!

– Успокойся, пожалуйста, – сказала я.

Все-таки учеба на психолога предполагала понимание сложных душевных состояний.

– Ты перечишь?! Еще и перечит, мерзавка! – Мама начала вынимать наши тарелки, аккуратно сложенные в хозяйском серванте. – Я живу годами в голоде! В холоде! Не могу поесть вдоволь фруктов! – От тарелок приходилось уворачиваться, но несколько крупных осколков, отлетев от шкафа, больно ударили меня по спине. Спасибо, что не попали в глаза. Наверное, в этом и разница между мной и другими людьми: я во всем вижу лишь положительный результат. – У меня есть дочка! Доч-ка! – произнесла мама по слогам, словно поражаясь этому факту. –

А толку от нее ноль! Ноль! Другая бы нашла богача, и у нас была бы квартира. Вдоволь еды! А эта сука всего сама хочет добиться! Дура! Позор! – И она заплакала.

Но это не были слезы горя, скорее слезы ярости, потому что тарелки закончились.

По моим расчетам подобный приступ длится не более часа, случается раз в три дня, поэтому выходило, что ждать окончания данного действия недолго. Главное – меньше говорить, больше кивать, а потом обязательно напоить маму успокоительными каплями.

– Не жалеет мои седины! – рычала мама. – Себя бережет, праведница! Кому твоя праведность нужна? Любая проститутка умней тебя! Своим честным заработком ты меня не прокормишь! Мы всегда будем нищие! Всегда бездомные! Из-за тебя, чертова упрямая девка!

Я стояла в комнате, которую она разворотила, разбросав все вещи, разбив посуду, и молчала, потому что нельзя оправдывать свой выбор. Мама села на кровать у балкона, ее трясло мелкой дрожью, как больную бездомную собаку. Наверное, тут я и совершила ошибку, заговорив с ней:

– Все наладится. Не кричи. От твоего крика нет проку.

– Так значит?! – Мама вскочила и, надев тапочки, лихорадочно заходила по комнате.

Битое стекло и керамика по звуку напоминали плотные февральские сугробы. Маленький черно-белый телевизор, сокровище съемного жилища, из-за маминого усердия перевернулся, но упал на стулья и потому остался цел.

– Не желаю это терпеть! Не могу вынести! – Отчаяние сменилось у мамы настоящим горем. – Вначале нас разбомбили, лишили имущества и здоровья! А теперь еще и голодать... нет! Я так больше не могу. Все! Я покончу с собой!

Приступ перешел в другую стадию, которую трудно контролировать. Это был уже не мелкий бес, ради хохмы заморочивший несчастную, но хладнокровный дьявол, наведывающийся к нам регулярно раз в полнолуние.

– А-а-а! – С воплями мама выбежала на балкон и, встав на скамеечку, где обычно сидела и курила, размышляя о несправедливости, перебросила одну ногу на улицу. – Сейчас я всем покажу! Я больше не буду жить! Вот та-а-ак!

Балкон выходил на трассу.

– Умру, – орала мама, – а ты будешь виновата!

Пытаясь втащить ее в комнату, я получила несколько увесистых ударов, и маме удалось расцарапать мне руку. Но позволить ей свалиться вниз, к тому же в одной ночной рубашке (какой позор!), я не могла. Для нас, людей с Кавказа, честь превыше всего. Мама отчаянно вырывалась, гневно плевалась и клятвенно обещала меня зарезать, едва я засну. Действительно, пару ночей после такого не стоит смыкать глаз. Об этом я помнила с младших классов школы, отчего у меня развился чуткий, как у японских самураев, сон. Но, увернувшись единожды от родительского ножа, к этому привыкаешь, перестаешь понапрасну удивляться и философствовать о пророке Аврааме, оттачиваешь реакцию, как и положено в таком опасном деле.

– И-и-и! – Мамин крик оглашал окрестности. – Не буду жить! Не буду! Не заставишь!

Она уже перевалилась на лицевую часть балкона и, отпихивая меня изо всех сил левой ногой, запуталась правой, на мое счастье, в стальных тросах, натянутых для сушки белья.

– С-с-сволочь! Убью-ю-ю! Черт! В жопу такую жизнь!

Интересно, подумалось мне, отчего соседи не вызовут скорую помощь? Или хотя бы милицию? Мир равнодушных людей страшен. Хотя зачем им звонить куда-то, если

три дня подряд на улице Доваторцев подростки водили экскурсии к обледеневшему трупу мужчины, который лежал, словно сломанная кукла, на скамье у подъезда. Ни врачам, ни милиции, справляющим Новый год, покойник оказался не интересен. Только детям из другого района, которые расплачивались за эксклюзив сигаретами и пивом. А мама жива. И слава богу. Стальные прутья не позволили ей упасть, и теперь, сидя верхом на перилах в белой ночной сорочке, задравшейся до пояса, мама была похожа на старенькую Жанну д'Арк, ведущую невидимых воинов в атаку.

– А-а-а! – разливался волнами боевой клич.

Оставив ее на несколько секунд, я быстрым шагом пересекла «поле брани» и в коридоре набрала Николая. Повезло, что он сразу взял трубку.

– Что у тебя стряслось? – спросил он.

– Песни и пляски. Мама дико орет и прыгает по квартире. Сейчас посылает все на хрен и пытается научиться летать.

– С шестого этажа? – весело спросил Николай.

– Да!

– Бегу! Выезжаю! Мчусь!

Оставив телефон в безопасном месте, чтобы он не пострадал в схватке, я открыла замки на входной двери, подперла ее веником и вернулась на свой изначальный пост. Испуганные грохотом, кошки попрятались за книжными полками, сжались там, словно молодые солдаты под минометным огнем, и даже не показывали усов.

– Иди сюда, родная! – протянула я руку маме. – Спускайся!

Мама непонимающе на меня посмотрела, потом перевела взгляд вниз, на кроны деревьев, и более-менее нормальным голосом сказала:

– Не пойдю! Все равно ты ничего не изменишь!

– Конечно, изменю. Вот увидишь. Буду много работать, куплю тебе комнату в коммуналке, не будешь на улице спать. Спускайся, пожалуйста.

– Устала я голодать, – сказала мама. – Пенсию мне не начислят, потому что нет прописки, нет дома...

Ее взгляд обретал осмысленность, лицо перестало искажаться, но с перил она не спешила слезать, вцепившись в них так, что побелели костяшки пальцев.

В детстве меня пугало, что у мамы две личности. Одна добрая, ласковая. Она никогда не обижает животных, любому бросится на выручку, бездомного – отогреет, голодного – накормит, брошенным чужим детям прочитает сказки, споет песенки. В Чечне люди жестоки и часто ради забавы бросали камни в собак и кошек, а мама всегда вступалась. Не давала хулиганам бить голубей палками. Пыталась не прочитавшим ни одной книги взрослым и детям пересказывать великие произведения мировой литературы, взывала к совести. Эту прекрасную, любимую мной женщину иногда заменяла другая. Личность второй была коварной, злой и мстительной. Эта другая женщина умела бить исподтишка, угрожать и проклинать. Я каждый день молилась, чтобы Бог изгнал болезнь, запретил ей приближаться к моей матери, но темную силу удавалось лишь ненадолго усмирить.

Николя вначале решил, что входная дверь заперта, затем сообразил ее толкнуть, отчего веник упал на пол, а кошки зашипели, прижав уши.

– Здравствуйте, Елена Анатольевна! Пришел вас проведать. – Николя стоял на куче разбитой посуды.

– Гости пришли? – спросила мама.

– Пришли, пришли. – Мне удалось подойти поближе и осторожно снять ее ноги с перил. – Иди, ждут ведь, спрашивают, где ты.

– Кто там?

– Николая.

– Наш Николая?!

– Да. Сейчас я одерну твою рубашку и принесу халат, стой здесь.

Я отыскала ее атласный халат с листьями сакуры, отряхнула его и принесла на балкон. Мама спокойно оделась, стоя как царица, которую наряжает прислужница, обула мягкие чупяки и как ни в чем не бывало вышла к гостю. Конечно, она не могла не заметить силу разрушения, которая словно ураган пронеслась по нашему жилью.

– А что здесь произошло? – Мама смущенно развела руками и взглянула на Николая.

– Кошки, мадам. Во всем виноваты кошки. – Николая не растерялся. – Ставьте чайник, уважаемая Елена Анатольевна, сейчас я приберу мусор и вернусь к вам с пирожными. Сей момент!

Пока я таращила глаза, Николая сбегал на кухню, принес четыре мусорных пакета, сгреб веником все, что некогда было нашей посудой и подушками, поклонился и исчез.

Мама поставила чайник на газовую конфорку, села на табуретку и сдавила виски.

– Наверное, давление, – сказала она. – Погода, что ли, волнуется?

– Нужно выпить лекарство.

Я накапала ей успокоительных капель.

– Что это? – с подозрением спросила мама.

– Нужно принять.

Сама я тоже была не прочь выпить капель, но не стала, так как сильные духом должны утешаться лишь медитациями.

Мама приняла лекарство, поморщилась, и от мегеры, явившейся мне два часа назад, не осталось и следа. Передо мной была женщина, которая смеялась, хлопотала на кухне и беспокоилась, чем бы попотчевать гостя.

– Блинчиков надо сделать... Жаль, нет сахара, молока и масла... Вот в хорошие времена бы пришел... Эх. Ничего, придумаем сейчас что-нибудь... Что стала как столб, думай давай!

– У нас есть пачка печенья, – сказала я.

– Открывай, раскладывай на блюде! – скомандовала мама.

Николя сдержал слово и принес кремовые корзиночки, которые продавались в супермаркете.

Скоро пришел Захар. Мы пили чай, в котором не было сахара, и я думала о том, что настоящие друзья для того и нужны, чтобы помогать друг другу.

– Тарелок нет, – жаловалась мама. – Представляете, кошки прыгнули и разбили. Но мы ругать их не будем...

– Это ничего, – сказал Захар. – Николя принесет вам другие.

– Неудобно как-то... – потупилась мама.

Я сделала ребятам страшные глаза, чтобы они не выдумывали глупости: у самих нет еды, а за пирожные явно были отданы деньги, отложенные на черный день. Но Николя тоже зна́ком показал мне, чтобы помалкивала.

– Зачем посуда, если ее нельзя разбить? – жизнеутверждающе заявил Захар.

Мама согласилась прочитать нам свои стихи, написанные под бомбежкой. Ее строки всегда поражали меня честностью. Я пообещала:

– Однажды я издам сборник твоих стихов!

Мама заулыбалась, а Захар и Николя недоверчиво покачали головами, но не стали ехидничать, поняли, что это в данном случае неуместно.

На следующий день мы опять собрались в «Алой розе». По дороге я заметила мечеть, которую строители переделывали в музей, и спросила Николя, что бы это значило.

– В Ставрополе есть влиятельные люди. Они заявили, что поставят на место мусульман. Казаки, например, возмущаются, что с минарета звучит муэдзин.

– И где демократия? – спросила я Николая.

– Полина, о чем ты говоришь? – Он устало махнул рукой.

Мы разбрелись по отделам встречать покупателей.

К вечеру похолодало, ветер срывал с деревьев листья. Лето медленно уступало свои права ранней осени. От усталости я едва могла объяснить людям, пришедшим в мой отдел, где стоят книги о Гарри Поттере. Литературные деятели создали массу подделок о мальчиках-волшебниках, дали похожие названия, и магазины успешно торговали залежавшимися по редакциям рукописями, напечатанными на скорую руку.

Отстояв смену, я попросила Каролину заменить меня на пару минут. И услышала в ответ:

– Ходи в штаны! Я не собираюсь тебя замещать! Ты никто!

Чтобы не упасть в обморок, периодически я давала себе пощечину. Оставалось полчаса до закрытия. По традиции в это время мы собирались у кассы, слушая указания взбалмошной Саши. Продавцы, похожие на зомби, мечтали об одном – поскорей оказаться дома.

Это вовсе не значит, что в Ставрополе не было тех, кто наслаждался жизнью. Иногда в книжный магазин заходили разодетые путаны в сопровождении бизнесменов или государственных мужей. Они скупали десятки книг, которые, как грустно заметил Николай, никогда не прочтут. Книги были средством показать свою роскошную жизнь. Пока телохранители нагружали ящики классикой, их хозяева советовались с продавцами, какие обложки лучше сочетаются с красной мебелью или моющимися обоями.

Женщины выбирали фотоальбомы эротического содержания, каталоги редких африканских животных и книги рекордов Гиннеса за разные годы.

– Это можно поставить на видное место, – объясняли они свой выбор.

Преподаватели, воспитатели и работники медицины покупали у нас учебную литературу, и мое сердце сжималось от жалости к ним каждый раз, когда я видела, как долго в кошельке выискивается недостающая монетка. Заглядывали студенты: одни из обеспеченных семей, другие – приезжие, едва нашедшие съемный угол. Первые могли позволить себе купить любую из понравившихся книг, вторые робко прятались за стеллажами и заучивали нужный материал прямо в магазине. Я старалась не спугнуть их, надеясь, что однажды сама повстречаю доброго человека. Зато Каролина и Саша гоняли бедных студентов:

– Нищebroды! Лузеры! Убирайтесь! Вы все равно ничего не покупаете!

Вечером, стоя у кассы, я вспоминала сумбурный день и последнего покупателя. Он приехал с шестью охранниками, загрузившими багажник «мерседеса» трудами Толстого, Пушкина и Мураками. Рисунок плитки на полу слился в непонятный узор, глаза практически ничего не видели, поэтому я оперлась рукой о полку и дышала по йоге то медленно, то быстро, надеясь, что это поможет не сойти с ума.

– Смотри, что там, – шепнул мне на ухо Захар.

– Что?

– Тс-с-с!

Остальные сотрудники были заняты обсуждением за-втрашних дел, поэтому ничего не заметили.

– Ничего не вижу, резь в глазах, – призналась я.

– Дай бог, чтобы они на что-то отвлеклись, – зашептал в другое ухо Николая. – Богач обронил бумажку в пятьсот рублей! На это можно покупать еду целых три дня!

То ли от неожиданного известия, то ли оттого, что шепот Николая был таким горячим, я пошатнулась и со страшным грохотом рухнула на пол. Часть книг свалилась сверху, довершив картину, но мне было все равно. Никто не бросился мне на помощь, кроме матери и Захара.

– Недотепа! – прокричала Саша.

– Надо смотреть, где стоишь! – пискнула Каролина, поправляя бриллиантовое кольцо, подарок Эвереста. Директор баловал младшую родственницу, носатую, как баба-яга, и такую же свирепую.

Николая, воспользовавшись внезапной суматохой, сунул пятьсот рублей в карман.

Ян Рафаилович явился ни свет ни заря и расхаживал по магазину в сильном волнении. Пожилой господин кусал губы, перебирал блокноты, и мы с Николаем подумали, что он знает о находке. Но решили молчать, пока начальник сам ничего не спросит.

– Где же? Где они? – примерно раз в минуту спрашивал Ян Рафаилович. Пенсне съехало, но он ничего не замечал.

Через какое-то время наш Дон Кихот заперся в кабинете, а затем вышел и опять заломил руки, будто его должны были отвезти на казнь.

– Что это с ним? – недоумевал охранник Костя.

Продавцы пожимали плечами и старались укрыться за книжными полками.

До седин Яна Рафаиловича еще дожить надо! Бухгалтеры – люди со странностями, немудрено, что наш что-то натворил.

К обеду ждали директора. Ян Рафаилович, стеновавший в утренние часы, в полдень не просто перемещался по

магазину – он бегал кругами, как умная мышь, узнавшая, что сырный склад переехал, и пытавшаяся отыскать верное направление.

Эверест подъехал на иномарке. Его туловище колыхалось при ходьбе и походило на студень.

– Гора движется... – предупредил Костя.

Продавцы, вскочив с пола, успели принять соответствующий вид – почтительный и слегка придурковатый. Ян Рафаилович неожиданно перестал метаться, остановился на месте и тяжело задышал.

– Вы в порядке? – спросила я.

Остальные продавцы посмотрели на меня как на ненормальную, будто нельзя спрашивать такое у руководства.

– Полиночка, – прошептал Ян, хватаясь руками за голову, – горе мне! Горе!

– Приветствую, Рафаилыч! – Эверест вплыл в двери. – Работайте, засранцы! Живо!

Последняя фраза была обращена к нам. Продавцы беспокойно заметались между редкими посетителями, а я буркнула:

– Очень вежливо!

– Вам, чеченцам, особое приглашение надо? – рявкнул Эверест. – Книжки в детском отделе переставить на полках!

– Вчера переставляла, – ответила я.

– Так переставляй обратно!

Директор любил бесполезную работу, считая, что это благотворно влияет на воспитание в человеке покорности.

Ян Рафаилович продолжал изображать статую. Эвересту это показалось подозрительным, поэтому он подошел и легонько толкнул его в плечо.

– Затмение! – Наконец мы услышали визг бухгалтера. – Я, старый балбес, перепутал ведомости. Ты понимаешь?!

Судя по лицу Эвереста, тот ничего не понимал.

– Э-э-э... – промямлил он.

– Я отправил в налоговые органы не тот отчет! Все перепутал!

Продавцы воззрились на них с нескрываемым любопытством. А я не выдержала, рассмеялась.

– Ах, твою мать!.. – Директор бросился к автомобилю, а за ним пожилой еврей Ян Рафаилович. – У меня брат там работает, – басил Эверест. – Попробуем уладить!

– Всегда происходит путаница, – усмехнулась Саша. – Но кто будет в ней разбираться?

Иногда клиенты заказывали литературу на дом. В таких случаях следовало относить бланки в офис по доставке книг. Свернув от магазина «Алая роза», я прошла мимо университетской столовой в сторону христианского храма. Здесь начинался нулевой километр – ставропольская достопримечательность. На транспортной остановке галдели верующие, скупщики иконок и церковных свечей, а рядом с литой чугунной оградой суетились просящие милостыню. В основном это были пожилые люди, живущие на улице. Они, разумеется, делились подаянием с милицией и мафией, иначе бы им не позволили находиться у храма. Среди нищих выделялась высокая фигура в черном монашеском одеянии. Я даже на секунду задумалась, не старец ли это с картины «Видение отроку Варфоломею»².

Монах тонким голосом призывал:

– Купите просфоры, спасите душу! Подайте монетку на храм божий!

Приглядевшись, я поняла, что знаю этого человека. Но откуда?! Сделала еще несколько шагов и оторопела. Леонид Игнатович! Собственной персоной. Я привыкла

² «Видение отроку Варфоломею» – картина русского художника Михаила Васильевича Нестерова.

видеть его в деловом костюме на рабочем месте в адвокатской конторе. Произошедшие разительные перемены сказались на внешности мужчины: из-под капюшона выглядывало худое, изможденное лицо.

– Что с вами? – спросила я.

Без сомнений, это был адвокат.

– Я раб божий... – запел юродивый. – Покайтесь, дети мои...

– Леонид Игнатович! Опомнитесь! Очнитесь! Вы меня узнаете?

Адвокат совсем заблажил:

– Угодья свои отдал я попу... Все церковь святая себе забрала...

– Угодья?!

Взгляд приобрел некоторую осмысленность, и адвокат зашептал:

– Квартиру и машину! Ибо каюсь я в грехах, а иначе без жертвования грехи не отпустят.

– Да вы с ума сошли! Бросьте цирк! Идите домой!

– Божий приют теперь кров мой, – так же тоненько пропел адвокат, простирая руки к прохожим с целью разжиться монетками.

– Кто нарядил вас в одежды монаха?

– Батюшка, – сквозь зубы процедил адвокат. И отвернулся. – Грех мой велик!

– Я вызову санитаров, если вы не объясните, что происходит.

– Нет! Нет! – замахал на меня испуганно Леонид Игнатович. – По доброй воле я постриг взял.

– Что вы сделали?

Адвокат поманил меня за конский каштан, росший у храма. Густые ветви дерева скрыли нас от солнца.

– Грешником я был, – нараспев сказал адвокат. – Помните мое увлечение магией?

– Говорила я вам, выбросьте сатанинские книжки в помойку!

– Не послушался, ангел мой. Согрешил так, что земля содрогнулась. Ритуал магический на кладбище проводил. Решил оживить давно умершего деда. Три дня не ел, не пил, только заклинания читал, сидя верхом на могиле. В дудочку дудел, призывая деда показаться из последнего своего пристанища.

– Неужели оживили? – хихикнула я.

– Нет! Не удалось. Но на третий день прямо передо мной соткался из воздуха покойный дед и погрозил кулаком.

Мой смех огласил улицу, я даже ногами затопала от удовольствия.

– Молодец дед!

– Конечно, конечно, – поспешил согласиться Леонид Игнатович. – Но после увиденного меня окатило холодным потом и я побежал через кладбище как полоумный. Плакал! Стенал! Иконы в церковной лавке купил! Просил защиты у святой Девы Марии и других праведников! Только с тех пор деда вижу, и ругается он на меня скверными словами за ухищрения мои. Поэтому я к бабушке и пошел. Бабушка выслушал, посоветовал машину и квартиру церкви пожертвовать, а самому служение принять, что я и сделал. Раньше, бывало, ежедневно пять раз питался – то картошечку, то каши разные, а сейчас утром просфора и вечером просфора. Просфору велят водой запивать.

– Просфора?!

– Просфора – небольшой хлебец православный, такой крошечный, что едва в ладошку умещается.

– Долго вы так живете?

– Скоро месяц будет.

Адвокат хотел еще что-то сказать, но вдалеке показав-

лась внушительная фигура священника с золотым крестом, и, начав нести совершеннейшую ахинею, несчастный кинулся от меня прочь и убежал.

Дома, когда я размышляла над неожиданной встречей, позвонил Луковица и попросил найти его сыну работу.

Сын Луковицы служил на границе Чечни, а затем его признали негодным для работы в милиции и попросили крупную взятку.

– Продавец книг – это круто! – завершил просьбу Луковица.

– У нас один предает другого ради карьеры, две надсмотрщицы, бухгалтер с тройной бухгалтерией и директор по имени Эверест!

– Вы, я вижу, так и не поняли, где оказались! – воскликнул Луковица. – Здесь по-другому не живут! Вы, Полина, еще в хорошее место попали.

– Неужели? – удивилась я, лежа вверх ногами, чтобы вспухшие вены немного присмирели.

– Мать тоже в магазине?

– Да, без всяких прав, без договора, в любой день могут выгнать. От зарплаты воруют половину, а работает она за четверых.

Луковица задумался, а затем все-таки повторил просьбу.

– Сыну очень нужна работа. Помогите.

Я обещала спросить директора.

– Мы опубликовали твою статью об оклеветанных соседях. Ты видела?

– Да. Когда делали вставку обо мне, напутали и вместо того, чтобы написать, что я получила осколки из-за обстрела российской ракетой мирного грозненского рынка, напечатали: «Чеченский теракт на рынке». То есть все-таки приправили текст ложью.

– Это все Шишкин, – перевел стрелки главный редактор. – А мы люди маленькие!

Мама покачала головой, издали слушая разговор. В ее руках была новая, совершенно ненужная книга. Днем, убирая, она листала ее на полке. Директор, проходя мимо, подскочил к матери и вырвал у нее из рук эту книгу.

– Я вам не позволю тут читать, – сказал Эверест.

Характер мамы известен. Она тут же купила ее на последние копейки. Эвереста это разозлило до такой степени, что он ударил кассу у входа, а потом с проклятиями долго потирал ушибленную ногу.

Я тоже купила себе книгу «Шаманский космос». В ней написано, что Бог – источник всех людских страданий. Некоторые шаманы пытались его уничтожить, но сошли с ума. Шаманы считали, что, если Бог исчезнет, пропадет и его творение – Вселенная.

В страхе ожидая квартирную хозяйку (так как за квартиру платить было нечем), мы перебивались с хлеба на воду и пытались подбодрить Захара и Николая, которые совсем приуныли. Им удалось снять на неделю комнату у алкашей, забывающих выключать плохо работающие газовые конфорки, отчего квартира несколько раз чуть не взлетела на воздух.

– Война у вас без всякой войны! – горько шутила я.

Ребята поделились с нами, что отношения с родными у них очень натянутые, нет поддержки. По секрету я рассказала Николаю о дневниках и своей мечте, чтобы их издали.

– Бедная, – покачал головой он. – Мне тебя жаль. Ты ничего не добьешься в России.

– Ты не знаешь меня.

– Я знаю судьбы писателей, потому что читал их книги. Одни умерли в нищете, другие были расстреляны, третьих пытали в тюрьмах.

Николя купил себе новую футболку с кроликом и ждал похвалы, но мама его пожурела. Моя идея найти ему девушку не увенчалась успехом.

Я как могла пыталась скрасить наше существование. В пятнадцатиминутный обеденный перерыв угощала ребят оладьями, сделав их из нескольких ложек муки и одного яйца.

– Оладьи вышли вкусные, прямо бесподобные! – хваливали Захар и Николя, поедая угощение.

Слушая слова благодарности, я почувствовала, как задрожало здание. Что это? Снова война? Страшный грохот за окнами и удары по стеклу заставили меня инстинктивно упасть на пол и сжать руками голову. Помещение погрузилось в темноту.

Николя подбежал и обнял меня.

– Не бойся, – сказал он.

Меня трясло: я вспомнила жуткие обстрелы в Грозном.

– Не бойся, – повторил Николя и слегка сжал мои виски.

От его прикосновений я пришла в себя и, смутившись, отпрянула. Николя пояснил:

– Грядет осенний сезон ветров. Ты не знаешь, что это, а жителям Ставрополя подобное знакомо чуть ли не с рождения. Ты потерпи. Скоро все утихнет и вновь выглянет солнце.

Я с недоверием посмотрела на него. Здание перестало дрожать.

– Николя, что ты такое говоришь?

Я с трудом приподнялась и выглянула в окно.

– Боже мой! Что там творится!

Град с голубиное яйцо с бешеной силой обрушился на тротуары и автомобили. Шквалистый ветер раскачивал клены и тополя. Листья кружились в смертельном танце. Транспортное сообщение приостановилось.

– Погода в это время коварна, – вздохнул Захар. – Помнится, в прошлом году у знакомых кирпичами, вывернутыми из стены дома, вдребезги разбило машину.

Мне с трудом удалось унять приступ тахикардии и выйти к покупателям. После перерыва Жанну перебросили в соседний отдел, и мы разговорились. Я рассказала, как у нас в Грозном взорвалась на рынке ракета. Мародеры грабили убитых и раненых, не стесняясь срывать с них украшения. Жанна заявила, что в Москве не могли отдать такого приказа – обстрелять мирный рынок. Сказала, что знает русского парня, спасшего чеченского ребенка.

Анна, Ванда и Саша, посоветовавшись между собой, решили, что я мусульманка. Ванда, подыгрывая остальным, крикнула:

– Полина, не бойся, скажи правду! Ты мусульманка? Мы тебя за это не побьем.

А я пошутила:

– И вы не бойтесь. Мы вас не взорвем!

Директор, проходивший мимо, не выдержал, фыркнул от смеха. Продавцы побагровели, и больше никто тему религии не поднимал.

Помимо всей прелести работы в книжном магазине, единственном источнике нашего существования, я выяснила: за свою тяжелую работу мы получали фальшивые деньги.

Я купила еду в супермаркете и рассчиталась. Купюру проверили аппаратом – она оказалась фальшивая.

– Вы из «Алой розы»? – участливо спросили меня. – Уже несколько подобных случаев.

– Я только что получила зарплату. – Слезы душили меня.

«Вот как нас ценят за двенадцать часов стояния на ногах!» – мелькнуло в голове. Меня трясло. Я едва смогла выйти из супермаркета и сесть на ступеньки.

На следующий день я подложила фальшивые деньги в кассу нашего магазина и взяла те, что дали покупатели. Вернула, так сказать, купюру отправителю. Но наши аферисты даже ухом не повели. У директора все было схвачено.

После этого происшествия мы разговорились в сквере: я, мама и Николая. Он тоже обнаружил, что деньги фальшивые, и разрыдался. Мама протянула Николая сигарету. Каждый из нас мечтал уйти из «Алой розы», но альтернативных вариантов не было.

Приехавшая из санатория хозяйка квартиры устроила племяннице, поселившей нас в ее доме, нешуточный скандал. К нам она отнеслась великодушно, но потребовала освободить жилплощадь. Мы рассчитались с Настей и на остатки средств сумели снять комнату в домике начала девятнадцатого века, где проживало несколько семей. Здесь не было туалета, воды и батарей. Только электричество, наброшенное через окно тонким проводком, напоминало о цивилизации. Это был самый центр Ставрополя, улица Дзержинского. Через ветхую крышу легко проникал дождь, и мы с мамой по очереди ставили тазы и банки туда, где прохладные струйки особенно звонко стучали о гнилые доски пола.

В комнатке за стеной проживала алкоголичка Марта. Она приходила к нам дважды со скандалом. Первый раз она застала нас врасплох.

– Эй вы, чего стучите по утрам? У нас голова болит! Не понимаете, что люди пьют водку и утром нужно спать! – возмутилась соседка.

– Мы работаем, – ответила мама. – Утром нам нужно принести воды из колодца и умыться. Мы не шумим специально.

– Хм, чистюли. – Марта задумалась. – И откуда вы такие взялись?

Громко икая, женщина ушла.

Второй раз она начала орать, когда увидела кошку.

– Пусть мышей ловит, – успокоила ее я. – У вас есть мыши?

Марта кивнула:

– И крысы!

Как-то раз мы пришли с работы поздно вечером и увидели, что веревка для белья сорвана. Пододеяльник и простынки валялись в грязи. Пришлось привязывать веревку заново. Неподалеку крутилась алкогольичка Рита. Она сообщила:

– Это Марта здесь буксовала!

Я застучала молотком по стене деревянного сарая, по иронии судьбы названного домом, чтобы вбить гвоздь. Обитые железом ставни, как в старых русских сказках, на соседском окошке распахнулись, и оттуда вывалилась Марта.

– Не смей вбивать гвозди! – завопила она.

В ответ я закричала так, что в ушах зазвенело:

– Ханыжка, замолкни! Это мое окно. Ясно? Еще одна пьяная выходка – и я надеру тебе зад!

Ставни захлопнулись. С этого момента соседка Марта не вступала с нами в прямой контакт, а за спиной называла воинственными чужеземцами.

Рита спросила:

– Это вы около калитки повесили тряпку для мытья пола?

Мама ответила:

– Мы на свою калитку тряпку повесили. Надо – трусы повесим. Еще одно неуместное замечание, и будем бить по голове. Больно!

Рита тихонько отступила в глубину двора. В подобных местах всегда обитают те, кто проверяет новичков на прочность. Теперь у нас появился опыт общения с такими людьми.

В домике была всего одна комнатка в четырнадцать метров. Уборная и кухня отсутствовали. Так выглядело самое дешевое жилье, которое съедало мою зарплату целиком!

Разговорившись у колодца с протрезвевшей Ритой, я узнала, что хозяйка, сдавшая нам угол, женщина преклонных лет, – бывшая сотрудница КГБ, а ее вежливый пожилой супруг – бывший заключенный, сумевший впоследствии дослужиться до начальника тюрьмы.

– Оба состоят в партии «Единая Россия» и славят президента Путина, – доверительно сообщила Рита.

Придя в магазин, я поняла, что от последних новостей кружится голова.

Вытащив спрятанный между книгами дневник, я записала:

Привет!

Там, где мы ночуем, писать некогда. На сон всего четыре часа. Поэтому слушай сейчас, мой бумажный друг.

В старом доме, которому от рождения двести лет и который еще помнит время русских царей, я обнаружила пушистого домового. Домовой сидел на холодильнике и был похож на большую дымчатую кошку. Когда я встала с кровати, домовый не исчез, а растворился в воздухе подобно тому, как растворяется песок, брошенный в морскую волну. Я не испугалась.

Мать отругала меня:

– Почему не спросила, к худу или к добру?

Домового всегда спрашивают, по старой традиции. Но даже без вопроса я поняла, что явился он к худу, и решила это худо отсрочить.

Домовой не переставал чудить. Вчера я поставила наш будильник на 6.00 утра, и мы уснули. Подскочила я от

звонка. Выбежала в коридорчик размером метр на метр, схватила будильник, специально оставленный там, чтобы поменьше доставлять неудобства соседям, смотрю – 8.00!

Я в ужасе подбежала к маме:

– Вставай! Мы на работу опоздали!

Шторы распахнула – ночь!

Сонная мама говорит:

– Не может быть, что восемь. Звезды на небе.

Я сунула ей под нос будильник. Включили телевизор – в углу экрана время: 5.00 утра. Сначала я подумала, что часы из-за плохих батареек пошли неправильно. Но почему время убежало на три часа вперед да еще кто-то стрелки звонка перевел?

Около шести утра мы снова улеглись. Встала я без двадцати семь. У меня создалось впечатление, что спала я очень долго, целые сутки. Я прекрасно отдохнула. Хотя часто засыпаю тяжело, ворочаюсь, вижу кошмары и просыпаюсь с мигренью.

П.

– Какое имя тебе по душе? – отвлек меня от дневника Николая.

Пользуясь кратковременным отсутствием надсмотрщиков, он пришел в мой отдел.

– Мы кочевники, люди без имени. Когда спрашивают, как нас зовут, мы не знаем правильного ответа.

– У вас есть главное. Здесь это утратили.

– Поясни.

– Сила духа, стремление к свободе.

– Ты правда так думаешь? Там, где я родилась, никто не свободен от рождения: действуют законы кланов, определяя жертву, юные девушки слушают одну и ту же легенду о любви. Историю о том, что юноша встретил

любимую у родника... Замуж выходят по воле стариков. Никто не считал количество сломанных судеб.

– В Чечне нет понятия «любовь»?

– Есть. Оно применимо к родине и к матери. Жене говорят: «Я тебя хочу».

– Ты собрала в себе источники разных культур и мировоззрений.

– Ты мне льстишь. – Я спрятала заветную тетрадь подальше от чужих глаз.

– Нет! – Николая даже подпрыгнул от возмущения. – Ты не смиряешься! Я начинаю верить, что ты осуществишь все, что задумала. А ведь это непросто. На это способны единицы.

В магазине узнали, что я единственная со скандалом добилась медицинской страховки, и решили, что мой характер из железобетона.

Остальным сотрудникам было тяжело смириться с моей неуступчивостью. Каролину, Сашу и Эвереста, которые не привыкли соблюдать Трудовой кодекс, мои действия привели в ярость.

Утром Каролина тряслась от злости. Узнав про страховку, она прошипела, заметив меня рядом с охранником и Захаром:

– Сколько сутенеров у одной девушки!

А я ответила:

– Вы всю ночь без заработка? Нелегко, что все собрались вокруг меня.

Каролина дернула головой, будто получила пощечину, попыталась испепелить меня взглядом, но напрасно: мы с мамой сами волшебницы.

Не разбирая дороги, заместитель директора кинулась в кабинет Эвереста.

Работа протекала спокойно. После обеда мы с Николаем спрятались за высокие серые стеллажи и уселись на пол.

Мои волосы были выкрашены в цвет бургундского вина, я подкрутила их, и теперь из-под аккуратного белого платка выбивались красивые пряди. Пусть жизнь подла и жестока. Мне придется быть сильной.

– Ты мне снилась, – признался Николая. – Вроде как ты живешь в пустоте, темной и яркой одновременно.

– Как это понимать? – Мои щеки начал заливать румянец, потому что Николая мне нравился.

– Все случилось в космосе, – объяснил Николая. – Ты обитала в пустоте и могла проникать оттуда в любое пространство в разных воплощениях.

Николая взял меня за руку, отчего я смутилась еще больше, но промолчала. Иначе он мог обидеться.

– Что было дальше?

– Вокруг тебя пульсировал свет, похожий на тот, что бывает вокруг свечи. Тысячи человеческих душ, словно мотыльки, окружали тебя. А ты сидела в позе лотоса и смотрела вверх. В пространстве над тобой находились игральные кости и колода карт.

– Игральные кости?!

– Магические игральные кости. Все души, кружащие вокруг, знали об этом. Одни завидовали тебе, другие пытались выказать свое восхищение. Ты была лучшим игроком во Вселенной. Но завистники не дремали. Четверо отчаянных душ попытались оспорить твое преимущество. Поначалу они хотели украсть карты и кости, но не смогли. Тогда эти четверо заявили, что сразятся с тобой в поединке.

– Если честно, я совсем не играю в кости, а в карты играла только в детстве.

– Это же сон. Слушай! Заявившиеся с претензией вывели тебя из самадхи³, и ты открыла глаза. Души-мотыльки дрогнули и отпрянули, потому что боялись твоего гнева.

³ Состояние просветления, достигаемое медитацией.

Но ты поступила мудро. Ты сказала самому нахальному, что готова доказать в честном поединке, что никто не играет лучше тебя. Вы сели друг напротив друга, и твой свет стал его светом, а колода карт оказалась между вами. Остальные затаили дыхание.

Игра заключалась в том, что никто не мог увидеть значение карты, оно появлялось только после того, как ее выбрали. И длилась до того момента, пока из колоды не доставали самую старшую карту. Главными в игре определили сердца-червы, красные и живые, в которых билась жизнь.

Тот дух, что оказался напротив, заявил, что быстро тебя обыграет и тогда ему перейдут карточная колода и кости, но ты, сделав три хода, ответила: «Игра закончена!» Все всполошились: как? Почему? И увидели козырной туз. Свет вспыхнул ярче, стал радужным, и оказалось, что все карты биты, а сверху лежит твой червовый туз! Неумелый противник исчез, а за ним последовали и трое других подстрекателей.

– Как ты думаешь, к чему это? – спросила я, подумав, что червы-сердца – это карты любви.

– К тому, что однажды ты докажешь свою силу. – Николай улыбался.

– Разбегайтесь! Гора движется! Эверест сошел с места! – пропел Костя, и мы, услышав охранника, бросились врассыпную.

Поздним вечером меня и маму ждал неприятный сюрприз. Хозяин жилья решил в наше отсутствие полазить по чужим вещам. Он отпер запасными ключами дверь, вошел в домик, и тут на него набросились Карина, Одуванчик и Полосатик. Почуяв незнакомый запах, наши питомцы заподозрили, что крадутся вору, и беспощадно вцепились в партийца «Единой России». Бывший узник,

а ныне почтенный начальник тюрьмы завопил, попытался стряхнуть кошачью свору на пол, но был сурово покусан за мужское достоинство и щиколотки. После этого происшествия хозяин жилья, матерясь, прибежал в «Алую розу». Показывая на брюки, пропитавшиеся кровью, он вскричал:

– Контры! Вы специально кошек подучили! Я хотел проверить, кто вы, осмотреться, так сказать, на местности, а теперь мне надо к врачу!

Мама, вымывшая двести пятьдесят квадратных метров, еле разогнулась от ведра с водой.

– Пришел бы ты утром, – сказала она, – получил бы шваброй промеж ребер!

Зная маму, я нисколько в этом не сомневалась.

– Вы не имеете права лазить по чужим вещам! – наехала я на хозяина.

– У нас нет письменного договора, – оскалился бывший заключенный, – поэтому что в моей хате, то мое!

– Что?! – Мама взяла в руки грязную тряпку и стала приближаться к негодяю. Заметив это, он сделал несколько шагов назад.

– Мы свидетели. – Захар вытолкнул из-за стеллажей Николая. – Мы видели, как Полина с матерью заносили свои вещи в ваш сарай. Мы местные, нас милиция послушает.

– Вот что, – глазки партийца забегали, – выставлю вас и ваших кошек на улицу прямо сегодня! Идите куда хотите!

– Сегодня?! – ахнула мама. – Скоро ночь! Ты паршивец!

– Сегодня же! – взвизгнул хозяин и был таков.

Пришлось соображать очень быстро.

– Можно мы в магазине переночуем? – спросила я Эвереста, спешащего к иномарке.

– Еще чего! – Он презрительно сощурился. – Здесь вам не ночлежка! Ночлежек в этом городе нет! Ха!

Мы повторили просьбу Саше. Но она холодно пожала плечами и заявила, что наше положение ее не интересует. Саша собиралась в ночной клуб.

Домой с нами пошли только Захар и Николая.

– Не переживайте, – подбадривали нас ребята.

– Я его убью, – горячилась мама. – В тюрьме хоть крыша над головой и горячая баланда!

Подойдя к съемному жилищу, поделенному на несколько семей и построенному задолго до убийства последнего русского царя, мы не увидели изменений. Никто не выкинул наши вещи на улицу.

– Если честно, думала уже к вам проситься, – шепнула я Николая.

– Э... – замаялся тот, и я поняла это как отказ. Ну что же...

Захар перехватил мой взгляд и пояснил:

– Мы пока не можем договориться с родными по поводу квартиры. Опять ночуем в подъезде. Только никому не говорите. Иначе нас с работы выгонят.

– Вы можете остаться у нас. Вы мне как внуки. Ужин есть – банка рыбных консервов, – раздобрилась мама.

Но парни вежливо отказались.

На следующий день нам позвонила хозяйка.

– Даю один день, чтобы вы убрались!

– Мы заплатили вам за месяц, – ответила я.

– О возврате денег не может быть и речи. Мы что, дали вам расписку?

– Сволочь.

– Чеченские лазутчики! – Она бросила трубку.

В домике начала XIX века мы прожили семь дней.

Мы набрали воды из колодца, умылись и пошли в книжный магазин, не зная, что ждет нас впереди...

Саша после похода в ночной клуб пропала – не явилась на работу. Каролина объявила, что у нее важные дела с Эверестом. Костя курил и никак не мог справиться с судорогами. Иногда охранник всхлипывал, а когда моя мать рядом с ним терла тряпкой пол, пробубнил:

– Лучше бы я не видел этой проклятой войны. Теперь после нее как калека. То сердце болит, то голова не в порядке... Ненавижу всех, кто заставил нас воевать!

Анна участливо его обняла.

– Я побуду в твоём отделе, – сказал мне Николая. – А ты беги на Пятачок.

– Но ведь вы сами на улице...

– Мы моемся у раковины в уборной магазина, пока никто не видит. Скоро приедет еще один мой брат и поможет снять хорошую квартиру. У нас временные трудности. Это не страшно. Помни о матери, ищи недорогое жилье, лучше в семье, где есть дети.

– Спасибо!

Я выскользнула из «Алой розы», подозревая, что Ванда или Жанна настучат Эвересту о моем отсутствии. Но выбора не было. Следовало за два часа отыскать времянку или комнатку в квартире. До Нижнего рынка было пять кварталов, и я решила проехать зайцем в троллейбусе, чтобы сократить расстояние. Мне удалось не попасться контролерам, которые иногда встречались. Они были грубы, неопрятны и не выписывали штраф, а сразу забирали взятку в карман.

Поговорив на Нижнем рынке с несколькими арендодателями, я погрустнела: за квартиру требовалось отдавать обе наших зарплаты. Снять комнатку на окраине было нереально. В начале осени всегда большой наплыв студентов: хибары и лачуги разобрали на год вперед.

В отчаянии я присела на бордюр. Почему человек перестает говорить с Богом? В юности я часто молилась.

Сейчас некогда. Как сказали бы верующие: «Это всё отговорки!»

«Господи, помоги, мне так нужна Твоя помощь!» Краткая и бестолковая молитва, идущая к Небесам, была прочитана.

Толпа, собравшаяся на Пятачке, взволнованно обсуждала рекламные предложения, птицы – воробьи и голуби – крутились под ногами в поисках семечек. Они привыкли к тому, что здесь многолюдно, но можно найти еду.

Вглядываясь в равнодушные лица, я увидела человека с поднятой вверх рукой, будто он приветствовал солнце. Это был мужчина лет тридцати пяти, плотного телосложения, в потертой военной куртке, какую на гражданке обычно носят рыбаки и охотники. Я невольно затаила дыхание. Рядом с ним были женщина и девочка. «Может быть, они с войны или что-то знают о войне? Надо подойти», – решила я.

– Здравствуйте! – Мой голос растворился в общем шуме.

Мужчина и женщина закивали, поняв, что я хочу что-то обсудить, и показали на тропинку, ведущую с Пятачка.

– Меня зовут Виктор, – представился мужчина, не опуская вытянутую вперед руку. – Это моя жена Диана и дочка Валя.

Женщина с русой косой и девочка лет десяти улыбнулись.

– Ищу жилье, – ответила на это я.

– Вы не смотрите, что моя рука поднята вперед и вверх, – объяснил Виктор. – Сделаю резкое движение – умру. Так сказали врачи.

– Боже мой! – Я представила себе, что он будет так ходить до последнего дня жизни.

– Не волнуйтесь. Три года с этим живу. Мы сдаем половину дома. Отдельный вход. Есть ванная и кухня. Тепло.

Из мебели – старое кресло, можно спать на нем, и спинка от разломанного дивана.

– Сколько берете в месяц?

Виктор назвал сумму, равную моей зарплате. Сурово. Тем более что дом находился на Ташле. Это самый старый район города, расположенный за железной дорогой. Транспорт курсировал туда редко.

– Думайте быстрее, – поторопила меня Диана. – Или мы студентов возьмем.

– У нас три кошки, – скороговоркой выпалила я.

– Мама! Папа! Кошки! Ура! – закричала девочка.

Мужчина и женщина переглянулись.

– Мы не против кошек!

Я, не видя комнату в их доме, дала согласие и, взяв адрес, сообщила, что мы приедем завтра, а затем расплатимся.

Назад я неслась окрыленная, радостная, тем более что завтра была суббота. Выходной! Захар и Николая сразу согласились помочь погрузить вещи в машину. Оставалось только позвонить Жене.

– Снова переезжаете? – спросил наш постоянный водитель. – Этот город не дает вам покоя! Опять угрожали?

– На этот раз просто выгнали. И не потому что мы чеченцы, а потому что у нас кошки-боевики!

Женя не смог удержаться от смеха.

Переезжали мы весело. Такая компания! Я и мама ехали в кабине, Женя шутил:

– Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет! Представляете, а я пошел в горы и нашел жену! – радовался он. – Венчание было в июне, сразу после знакомства.

Мы его поздравили. Мама от души, а я – стараясь заглушить ревность.

Кошки ехали в кузове. На повороте машину сильно потрянуло, и Карина, наша пестрая хранительница очага,

улетела в заросли. Увы, ни на следующий день, ни позже мы не смогли ее найти. Остались у нас только Полосатик и Одуванчик.

Комната в доме Виктора и Дианы понравилась мне сразу. Девятнадцать квадратных метров – целый дворец! На столике стоял цветной телевизор. Старый, ламповый, но передачи показывал. Узкий коридор вел на кухню и в ванную, а за внутренней стеной жили хозяева. У них был свой, отдельный вход. Жилище на вид разменяло сотню лет, однако люди, обитающие в нем, поддерживали чистоту: белили и красили. Кошки обрадовались большому пространству и начали скакать с разломанного кресла на спинку от дивана, которая стала маминой кроватью. Мама поохала, но привыкла.

Я писала в дневник.

В девятнадцатом веке моя прапрабабушка Елена Владимировна прославилась красотой на весь Ставрополь. За необыкновенный сине-зеленый цвет глаз люди прозвали юную девушку Персиянкой. Это не имело никакого отношения к Персии. Просто кожа Елены цветом и бархатистостью была похожа на персик...

Семья Елены считалась зажиточной. Имела прямое родство с купцами Поповыми. Был двухэтажный дом на Ташле, в старом районе города.

Приезжий горец в папахе, впервые увидевший девушку у колодца, не сомневался ни секунды: перебросил ее через коня и увез в свой аул. Среди высоких каменных башен и синих гор родилась Юлия-Малика. Она помнила отца, хмурого чеченца с бородой, который владел бесчисленными отарами овец. В справке о рождении девочку записали Малика Мусаевна. Но Елена бежала из аула вместе с шестилетней дочерью, когда супруг привел в дом вторую жену.

Через время Елена вновь вышла замуж. Маленькую Малику крестили по православному обычаю, и она стала Юлией Дмитриевной. Ее удочерил Дмитрий Прокофьев, родственник композитора Сергея Прокофьева. Он же стал отцом ее сводных братьев и сестер.

Крестным отцом всех детей Елены и Дмитрия был гласный городской думы, меценат Г. К. Праве, основатель краеведческого музея города Ставрополя. Он часто навещал семью, а под Рождество всегда отправлял сани с подарками.

Юля-Малика окончила женскую гимназию и вышла замуж за Николая Федорова, человека из благородной образованной семьи из Ростова-на-Дону. В браке родилось двое детей: моя бабушка Галина и ее брат Игорь.

Потом Первая мировая, Февральская революция, Октябрьский переворот, Гражданская война, террор.

Братья Юли-Малики погибли, защищая Родину, родители умерли, а двухэтажный деревянный дом на Ташле сгорел.

П.

Осенними вечерами мы включали хозяйский телевизор. Оказалось, в цветном ящике совершенно нет звука, а наш черно-белый давно барахлил и не показывал изображения. Поэтому пригодились оба телевизора: из одного шел звук, а на другом мы смотрели видео.

Валя прибежала поиграть с Одуванчиком и Полосатином. Девочка ласково прижимала их к себе и пыталась расчесывать материнской расческой. За дочкой заходили к нам Виктор и Диана.

– Ты людям мешаешь! Они много работают, пусть хоть до утра отдохнут, – говорили они.

Но Валя не желала покидать снятое нами пространство. Она весело плясала посреди комнаты, скакала на

ковровых дорожках, пахнущих нафталином, и пыталась втянуть нас в свою игру.

Сентябрь и октябрь промелькнули в суматохе, и мне начало казаться, что я и мама всегда жили в старом уютном доме среди людей, в которых нет зла. Это необычное ощущение появилось оттого, что мы впервые встретили русских, которым было безразлично место нашего рождения, религия и национальность. Виктор и Диана об этом даже не спрашивали.

В редкие выходные к нам приходили друзья. Мама подшучивала над моей влюбленностью в Николая, а я старалась не обращать на это внимания. Николай был обходителен и не позволял себе ничего лишнего.

Захар шутил, рассказывал байки из жизни альпинистов, а мы с мамой делились информацией, как выжить на войне.

– Листья свеклы – съедобны, крапива – съедобна, дикий чеснок, похожий на траву, можно есть! Эти знания еще пригодятся! – Мама сидела с важным видом во главе стола, а я разливала чай.

– Ой, тетя Лена, не дай бог! – качал головой Захар.

– Елена Анатольевна, – попросил Николай, – расскажите, как готовить еду, если война.

– В обычном понимании еды нет, – встряла я.

– Осенью в огородах есть листья свеклы, капуста, – объяснила мама. – Можно лепить вареники. Летом фрукты и ягоды, весной лук и петрушка. Хуже всего зимой. Нужны консервы. Снег можно пить, растапливая его на печке. Не забудьте процедить через марлю или другой материал.

– Печку с дровами следует топить на рассвете, в туман, иначе по дыму будут вести огонь. Многие погибали, кто плохо соображал, – напомнила я.

– А хорошее на войне было? – спросил Захар.

– Как-то во Вторую чеченскую русские солдаты принесли нам консервы – две банки. Сказали, что их начальство за доллары продает чеченским боевикам еду, а солдатам остается половина пайка. И что они посоветовались и решили принести нам поесть, потому что мы от голода падаем. Нас было одиннадцать человек, мы на эти консервы набросились. Я до сих пор благодарна тем ребятам, которые нас пожалели. А чеченские боевики в свое время приехали к нам во двор под обстрелом, взяли наших раненых соседей, отвезли в больницу. Спасли. Потом они где-то нашли молоко, разлили его в пластиковые бутылки и под обстрелом бегали, спрашивали, в каких подвалах есть дети. Ставили бутылку молока и убегали...

– До сих пор помню этих людей, – подтвердила мама.

Под окнами крутилась Валя.

– Заходи! – позвала я ее.

– У вас гости? – спросила девочка.

– Это наши друзья – Захар и Николая.

Валя, забежав к нам, принялась баюкать Одуванчика и Полосатика.

– Карину не нашли? – поинтересовался Николая.

– Увы. Ее новорожденные котята погибли. Мы не смогли их выкормить. Малыши умерли от голода. Я кормила их молоком из пипетки вечером, утром и ночью, а затем убегала на работу. Двенадцать-тринадцать часов без еды они не выдержали.

– Грустно.

– Да. Если бы Эверест разрешил их оставить в подсобке...

– Помнится, он вас выгнал на улицу ночевать.

– Жестокие сердца, – сказала девочка Валя, слушая нашу беседу.

Дочка хозяев целый день находилась в школе, и оставить котят ее семье мы тоже не могли.

Угостив Валю печеньем, мы с Николая вышли за калитку.

– После войны я действительно думаю о людях плохо.

– Нет. – Николая щелкал зажигалкой, чтобы закурить. –

Ты слишком добра, а вокруг одни черти.

Он был одет в поношенную куртку цвета весенней листвы, которая очень шла к его зеленым глазам.

– Я боюсь ошибиться.

– Разве прорицатели ошибаются? – Сигарета в его губах ожила, огонек в темноте походил на звездочку.

– Еще как! – Мне хотелось дотронуться до Николая, но я сдержалась. – Однажды я шла по бульварной аллее, которая разделяет проспект Карла Маркса. Там весной в фонтанах плещется вода, вырываясь из пасти гигантских позолоченных рыб...

– Это аллея дельфинов. Рядом есть чудесный фонтан «Купающиеся дети». В Ставрополе проспект Карла Маркса – самая старая улица.

– Я шла зимой, когда наледь покрыла кованые фонари и скамьи с чугунными опорами. Мне хотелось как можно быстрее спуститься к Нижнему рынку в домик-конюшню. Щеки покраснели от кусачего ветра, руки мерзли в теплых перчатках. Я человек юга, мне трудно привыкнуть к местной погоде. Заснеженная аллея уводила меня вниз по склону. Примерно в середине пути я увидела старика. Он лежал лицом вниз, а мимо по трассе проезжали машины.

– Что ты сделала? – спросил Николая.

Его сигарета погасла, и он закурил вторую.

– Я решила, что старик русский и, вероятней всего, он пьян. Нам в школе, куда я бегала под бомбежками, говорили, что все русские – горькие алкаши. Внушали, что трезвый и разумный русский – это сказка. Ненависть и стыд заполняли детские сердца. Мне хотелось доказать, что я чеченка. Каждый год, хороня погибших соседей, я слышала призывы убивать всех, кто говорит по-русски.

Кутаясь в длинные юбки и платки, я все больше привязывалась к чеченскому миру.

– Возможно, многие не помогли бы старику даже без этих сложностей, – попытался утешить меня Николая.

– Но я все время анализирую то, что происходит. Каждая ситуация создается не просто так. Это тест, урок, и если не заметить его, то придется сдавать «экзамены» снова и снова.

– Что ты вынесла из того урока? – Николая заметил, что я дрожу от холода, снял с себя куртку и набросил мне на плечи.

– Идя мимо памятника Пушкину, расположенного на южном склоне Крепостной горы, я рассуждала о том, что русский старик – алкоголик и мне, праведной девушке из Чечни, не пристало помогать такому человеку.

Если он замерзнет под февральской метелью, значит, таков удел от Аллаха. Может быть, джинны закружили его, ведь он не мусульманин и позволяет себе пить спиртное. Но на повороте к домику-конюшне в душе что-то дрогнуло. Я развернулась и побежала обратно. Мне стало все равно, пьян ли этот мужчина. Русский он или немец, чеченец или араб.

Пришлось бежать вверх по холму. Я опять посмотрела на памятник Пушкину, засыпанный снегом, и вспомнила, что великий поэт был в Ставрополе дважды. Как же я могла пройти мимо и не помочь старику, будто не читала стихи о пустомелях, которые кичатся своей благопристойностью, вместо того чтобы быть порядочными людьми. Я испугалась, когда не увидела старика. Оказалось, что он прополз несколько метров и лежит за кустами. На нем было светлое пальто с каракулевым воротником. Нитевидный пульс едва прощупывался.

К моему несказанному удивлению, спиртным от него совершенно не пахло. Если человеку плохо с сердцем,

его нельзя тревожить, перемещать, поэтому я начала звонить в скорую помощь. Гудки шли, но ответа не было. Старик открыл ясные голубые глаза и сказал: «Скорую помощь вызывать не надо, помогите мне подняться». Он напомнил мне моего дедушку Анатолия, погибшего в больнице под обстрелом.

Бросив телефон, я начала поднимать старика и сумела посадить его на скамейку. «Нет ли у вас воды?» – спросил он. Я уговаривала его поехать в больницу, потому что он пролежал на мерзлой земле слишком долго...

«Три часа лежал», – сказал старик.

В моей сумке нашлась вода и кусочек плитки шоколада. Старик подкрепился. Оказалось, он вышел на прогулку и у него закружилась голова. Низкое артериальное давление. Он просто не мог встать, хотя был в сознании. Мне стало так стыдно! Я поклялась, что больше никогда не пройду мимо того, кому нужна помощь. Мы поговорили о войнах. Ему было восемьдесят четыре года. Заслуженный житель города Ставрополя, фронтовик. Награжден орденами за участие во Второй мировой. От госпитализации он категорически отказался и попросил позвонить его жене. Симпатичная пожилая женщина прибежала быстро и долго меня благодарила. На прощание старик захотел узнать, почему я вернулась. Я призналась, что вначале приняла его за алкоголика. «Надо мной подшучивают фронтовые друзья, я заядлый трезвенник, – сказал он. – Совсем не пью спиртного». Этот случай заставил меня пересмотреть свои взгляды. Нет плохого народа. Есть запутавшиеся, озлобленные элементы.

– Вы где?! – Захар выглядывал в окно. – Мы уже решили, что вас похитили инопланетяне! Возвращайтесь!

Мы вернулись вместе с новым котенком по имени Васька, прибившимся к нам. Он заменил пятнистую кошку Карину. Васька пел песни и терся о ноги, как пушистая полосатая собачка.

Виктор пришел и увел Валю, а мы отправились провожать Захара и Николая до остановки. Мама подшучивала, что у них нет девушек. Ребята отнекивались, а Захар обронил, что недавно расстался со своей любимой.

– У тебя есть шанс, – объявила мама на обратном пути.

– На что?

– Встречаться с Захаром.

– Он мусульманин?!

– При чем здесь это? – Мама недовольно отпирала калитку. – Ты уже не в Чечне!

– Захар – мой друг. Не говори глупости.

– Не дерзи, а то отлуплю веником, – пригрозила мать.

– Правду говорю.

– А может, ты полюбила Николая?

На это я предпочла ничего не отвечать, отправившись мыть посуду. Завтра предстоял еще один нелегкий день.

В магазине отношения строились по-прежнему на основе шаткой пирамиды, готовой в любой момент рухнуть. Эверест безумствовал. Ему неожиданно показалось, что можно работать, не включая электричество. В темноте мы натыкались на покупателей, наступали им на ноги, а часть книг утащили воришки.

– Всю недостачу вычту из вашей зарплаты, – грозился директор.

Но к обеду, когда разыгралась гроза, разрешил включить свет в залах, где не было ни одного окна.

Дверь магазина в начале ноября Саша и Каролина запретили закрывать.

Леся, обутая в валенки, мерзла, стоя за кассой. Охранника Костю под угрозой увольнения сделали зазывалой. Теперь по новым правилам он громко выкрикивал:

– Заходите в магазин «Алая роза!» Покупайте книги!

На Косте была легкая униформа, пригодная для летних месяцев работы, поэтому он сразу простудился и нос

у него стал таким же красным, как красный картонный колпак на лысой голове.

– Почему меня не расстреляли на войне? – спросил он мою маму, оглядываясь и шарахаясь от страха, когда рысцой бежал в уборную.

Эверест запрещал своим сотрудникам ходить в туалет, поэтому тот, кто за двенадцать часов работы хоть пару раз отправлялся справить нужду, сильно рисковал.

– И мы задаем себе этот же вопрос, – ответила бывшему военному моя мать, намывая полы до блеска.

Через две минуты Костя, обрадованный облегчением, под строгими взорами старших продавцов покрикивал у распахнутой двери:

– «Алая роза» – лучший книжный магазин! Не проходите мимо! Сюда! Сюда!

– Впору кричать «Помогите! Спасите!» – сказал мне Николая.

Я хихикнула. Даже в детском отделе, самом дальнем от входа, было очень прохладно.

Мне было жаль мать, которой приходилось мыть огромное помещение несколько раз подряд. Едва домыв его, она начинала все с начала, так как посетители уже успевали нанести осеннюю грязь и слякоть. Дома мама могла только лежать и тихо стонать от болей в пояснице.

Чтобы помочь ей, я старалась время от времени подносить чистую воду в ведре, а мне следовало еще расставлять книги и обслуживать в отделе школьников и родителей с малышами.

Несколько раз я отбирала книги, спрятанные под куртки и пальто с целью хищения. Однажды книжным вором оказался мальчик лет десяти. Когда я обнаружила отсутствие книги и бросилась за воришкой, это заметила Саша.

– Ага! – победно крикнула она. – Сейчас вызовем милицию, и тебя заберут в тюрьму! Там тебя съедят крысы!

Саша вырвала у мальчика детскую энциклопедию «Я познаю мир». Ребенок залился слезами оттого, что старший продавец больно сжала ему руку.

– Я мечтал об этой книге, – было слышно сквозь рыдания. – А мама купить не может...

Упитанный кареглазый мальчуган на вид был учеником четвертого класса. За спиной у него висел портфель с изображением Хогвартса. Судя по одежде, ребенок происходил из небогатой семьи: вместо теплой куртки на нем была ветровка.

– Он просто хотел посмотреть книгу, – вмешалась я.

– Захлопни варежку, – оборвала меня Саша. – Ты тут никто. Я старший продавец.

– Сама захлопни. – Я сделала к ней пару шагов. – Иначе на голову что-нибудь упадет. Я заведую детским отделом. Мальчик не разглядел картинки при тусклом свете, поэтому отошел к двери. Вот и все!

Мальчуган, обрадованный таким поворотом дел, перестал рыдать.

– Если бы не я, – проворчала мать, продолжая намыывать полы, – уже бы книг сто украли. Каждый день ловлю любителей поживиться и возвращаю вам продукцию. Нука, отпусти мальчишку!

Саша неохотно отпустила ребенка.

– Все доложу директору, – пообещала она.

– Иди докладывай.

Остальные в конфликт не вмешивались.

– А правда, что в тюрьме крысы едят людей? – спросил мальчик.

– Меня на войне не съели, хотя были жутко голодные. Если хочешь посмотреть книгу, скажи мне, но больше не бери без спроса. Ладно?

– Хорошо, – кивнул он. – Спасибо вам, тетя.

Мальчик прошел мимо Кости, который застыл в изумлении.

А я подумала, что уже стала тетей. Моя юность просочилась сквозь ладони и утекла, как песок.

Что есть колдовство? Мама утверждала, что те, кто в него не верит, защищены. На них колдовство не действует. Ей ли не знать! Такие люди, как моя мать, должны бы работать не уборщицами, чтобы выжить, а раскрывать преступления. Едва взглянув на фото, она могла без труда прочитать чужую судьбу, словно перед ней лежал трактат о чьей-то жизни и смерти.

В выходной день, когда я дремала на поломанном старом кресле, служащем мне кроватью, позвонила Диана.

– Ничего не понимаю! Я звоню всем... – в отчаянии причитала она. – Двери в машине захлопнулись. Час пытались открыть. Бесполезно! Вызвали спасателей, и они ничего не могут сделать! Это колдовство!

– Почитайте молитву, – посоветовала я.

Даже в выходной не дали поспать!

– Читала «Отче наш». Может, заговор какой есть? Подскажи! У тебя мать – ведунья.

– Только суры из Корана могу предложить.

– Шутишь, что ли?

Диана положила трубку.

Какие заговоры для дверей в машине? Придумают же с утра! Вспомнились слова из советского фильма: «Опомеляться надо!»

Котенок Васька, заметив, что я проснулась, начал скрестись, намекая, что ему нужно выйти по важному делу. Я отворила дверь. Дождь Ваське не понравился, он повел усами, напыжился и попятился назад.

– Иди, иди. – Мне пришлось выйти наружу, подталкивая котенка к грядкам.

Я как была в пижаме и домашних тапочках, так и оказалась под дождем. Дверь позади меня скрипнула, и я

отчетливо услышала, как защелкнулся замок. Не может быть! Дернула дверную ручку – закрыто. Железная калитка на воротах тоже была заперта. Ключи остались в доме. Я побежала стучать Диане в окно. На их половине проживала дальняя родственница, женщина преклонных лет. Виктор с супругой присматривали за ней. Именно она протянула мне через форточку топор, не в силах сделать что-то еще. Но дверь в нашу комнату оказалась на редкость прочной. Поэтому я провела в пижаме под дождем два часа. Затем я догадалась распахнуть ворота, запертые на тяжелый засов, и выглянула на улицу. Вокруг на многие километры были частные дома.

Сосед из дома напротив выносил мусор. Я попросила о помощи. Мужчина засмеялся:

– Когда-то я домушником был, грабил. В тюрьму за это сажали! А теперь вон оно как – навык-то оказался полезным.

Он сразу придумал, что можно посадить внука в наше окно. Мальчишка лет пяти понял дедушку с полуслова и ловко забрался внутрь.

Как только я, рассыпаясь в благодарностях, открыла ключами замок, через секунду он снова защелкнулся. Пришлось бывшему домушнику принести проволоку и закрепить ее таким образом, чтобы наша дверь не закрывалась.

Я страшно замерзла и не успела позавтракать. Позволила мама, велела съездить на рынок и закупить продуктов. С полными сумками я приехала на автобусе, не забыв прихватить гостинцев внуку и дедушке.

Высота ворот у дома Виктора и Дианы составляла три метра. Заточенные острые пики, словно зубы дракона, служили их украшением. Перелезть через такие ворота не представлялось возможным.

Но мои ключи не отпирали калитку. Под проливным дождем я минут тридцать пыталась открыть железную

дверь, но сердцевина замка упорно не поддавалась, намертво застряв в одном положении. Меня охватила паника. Мать до позднего вечера на работе, Валя – в школе, а Виктор и Диана уехали на автомобиле, в котором намертво заблокировало двери.

Пришлось постучать к соседям с правой стороны. Вышла женщина, сказала, что от нее пройти нельзя, и закрыла калитку. Моего спасителя и его внука не оказалось дома. Прошло два часа, прежде чем из института приехала студентка, живущая от нас по левую сторону. Она разрешила перелезть в наш дворик через забор-сетку, который был всего полтора метра в высоту. Я лезла с тяжелыми сумками, поэтому ноги покрылись синяками.

К вечеру явились домовладельцы. Виктор одной здоровой рукой никак не мог совладать с калиткой. До полуночи никто не спал. Я держала зонт, Диана – свечку, а ее отец, приехавший к нам из другого района, срезал болгаркой замок.

– Мало мне, что ноги в осколках, – бурчала я, – еще и лезла через чужие огороды.

– В осколках? – удивился отец Дианы.

– Я из Грозного.

– А я без всякой войны в осколках, – словно шутя, сказала Диана.

Я, конечно, ей не поверила.

На следующее утро, рассеявшее внезапное злое колдовство, Валя пришла поиграть с котенком Васькой, а вместе с ней и мать заглянула в гости.

– Дочка такая непоседа! – всплеснула руками Диана. – Когда муж был в командировке в Чечне, мы с ней вдвоем остались. Решили провести деда. Вале только четыре года исполнилось. Как она скакала! Ни минуты покоя! На транспортной остановке многолюдно. Автобус раз в два часа, а иногда проедет мимо – и поминай как звали!

Толпа пассажиров волнуется, все толкаются, а Валя баляется, прыгает. Скачет со скамейки и обратно. Прыжок! Ох и вывела она меня! Прошу успокоиться, а в нее словно бесы вселились. Не стерпела я. Схватила дочку, отшлепала и, чтобы она больше не прыгала, обхватила ее за спину. Не знаю, что бы случилось, если бы не это непослушание. Как только я схватила ее, раздался взрыв! Бомба взорвалась в мусорном баке. Несколько человек насмерть, мы в осколках. Всё в тумане, крики, вопли... Не помню, как нас в больницу привезли.

Диана ушла, а я задумалась. Неслучайно мы попали к ним в квартиранты – нас, пусть и по разные стороны баррикад, связывала война. Ее муж Виктор, узнав о дневниках, попросил почитать тетрадки о Второй чеченской.

Правую руку он вытягивал вперед, и нам становилось неловко, когда дети на улице хохотали вслед бывшему наемнику. Ему приходилось нелегко. На руку накладывали гипс, чтобы он случайно не опустил ее – тогда у него могло остановиться сердце.

В «Алой розе» Саша и Каролина обучались мыть полы. Их заставил Эверест. После того как, окончательно распоясавшись, он обозвал мою мать и получил по щеке, мы уволились.

Затем директору позвонили Захар и Николая и сообщили, что тоже больше не выйдут на работу.

– «Алая роза» – отличный магазин! Покупайте книги! – охрипшим голосом орал Костя и смотрел грустным задумчивым взглядом.

– Живи, как хочешь ты, а не так, как ожидают от тебя другие. Неважно, оправдаешь ты их ожидания или нет, умирать ты будешь без них. И свои победы одержишь сам! Так учил Конфуций, – сказал Николая.

– Пожил бы он в наше время... – Костя тер окоченевшие от холода руки.

Ему так и не выдали зимнюю одежду.

– Конфуцию своего времени хватило, – вставила я. – Там тоже несладко было.

– Без разговоров! – Из-за стеллажа с книгами появился директор. – Эй ты! – обратился он к охраннику. – Разве тебе велено что-то говорить?! Чтобы других слов, кроме рекламы, я от тебя не слышал. Иначе получишь пинок под зад!

– Заходите! Покупайте! «Алая роза» – магазин книг! – завелся охранник.

Красный колпак на Костиной голове выглядел на редкость по-дурацки. Хотелось снять его и сказать: ты взрослый мужчина, воевал в Чечне, почему же позволяешь так себя унижать? Но я знала, что в этом городе нет работы и Костя терпит ради своей семьи.

Саша и Каролина пробовали возражать, что такую громадную площадь им и до вечера не вымыть.

– Здесь по закону требуются четыре уборщицы, – стояли они.

– Шевелитесь! Живо пахать, ленивые собаки! – отрывался на них Эверест.

Под этот аккомпанемент мы ушли.

Мела метель, предвестница декабря, а я и Николая выглядели на редкость счастливыми.

– Бери брата и приходи вечером в гости, – пригласила я.

Виктор принес мои тетрадки, а затем попросил разрешения присесть. Он носил потертую крутку не снимая, словно выцветший зеленый камуфляж мог уберечь его от внезапной смерти.

– У меня пули близко к сердцу, – сказал Виктор.

– В Чечне поймал? – спросила мама.

Ее прямолинейность была оправдана: десять лет нас самих убивали чуть ли не каждый день. Разве такое можно забыть?

– Смерть стала моей неразлучной спутницей, – несколько возвышенно ответил хозяин дома.

– Бутерброд с абрикосовым вареньем будете? – спросила я.

– Со сгущенкой, – попросил Виктор. И пояснил: – Сладенькое люблю.

– Надо было раньше любить! – ласково пожурела его мама. – Сладкое полезно для мозга. Соображал бы, в Чечню не сунулся.

Коренастый плотный мужчина сглотнул, похлопал глазами, но спорить с моей мамой не стал. Вместо этого он заговорщицким шепотом предложил:

– Можно я расскажу вам свою историю?

Я сразу оживилась, взяла в руки дневник, а мама ответила вопросом на вопрос:

– Что, больше некому?

Лицо Виктора порозовело, и он признался:

– Некому! Свои могут убить, чужие – тоже. Неудобная правда никому не нужна. Когда требовал пенсию по инвалидности, вызвали куда следует и приказали заткнуться, а в медицинской карте врачи написали ерундистику. Но, может быть, она, – Виктор благожелательно кивнул на меня, – однажды напишет обо всем.

Шариковая ручка бегала по страницам дневника, и я старалась записать дословно.

Шел 2000 год. С отрядами наемников Виктор ушел из родного Ставрополя на чеченскую войну. Он рассуждал так: черных надо бить, вокруг одни террористы, а его родной город – фильтр, пограничная зона на Северном Кавказе, созданная, чтобы защитить Россию от потомков диких абреков.

Виктор записался добровольцем и ушел на фронт, оставив молодую жену и маленькую дочку под защитой

родных стен. В нем жила искренняя вера, что он совершает праведное, богоугодное дело. Из дома доброволец захватил нательный крест, что дается православным при крещении, и ладанку со святой землей с горы Голгофы, где распяли Христа.

Военные будни шли своим чередом. Обстрелы. Затишья. Раненых отправляли в госпиталь, убитых временно хоронили в чужой земле, а когда удавалось, передавали своим. Безобразные, разорванные на части мертвые тела отправлялись в гробах, чтобы кто-то на мирной земле опознал в них сына или мужа.

Находясь в горах с подразделением, в которое его определили, Виктор понял, что свои, русские, сотрудничают с чеченскими боевиками, продают за валюту оружие и обмундирование, лишают солдат нормальной еды, чтобы получить легкие деньги. Получалось, что добровольцев гнали воевать за идеи, напичкав пропагандой из телевизионного ящика, а на деле оказывалось, что это очередная грязная война.

Виктору было не восемнадцать. Он быстро раскусил, что происходит, и решил вернуться в Ставрополь, не участвуя ни в каких преступлениях. О своем решении он объявил командиру, который вместо зимнего камуфляжа выдал всем летний, тонкий, да еще и зеленого цвета: такой снайпер видит за версту.

– Больно ты умный, – ответил на это командир. – Отправишься обратно первым спецрейсом.

Виктор посчитал, что договорился.

Утром командир по прозвищу Казак вызвал его к себе в палатку.

Военные всегда вначале выполняют волю своего командира и только потом задумываются, что происходит на самом деле, зачастую когда время безвозвратно упущено.

В палатке командира происходил расчет. Бородачи в новеньких зимних куртках, треща по-чеченски и по-русски, отсчитывали доллары.

– Что это такое?! – не сдержался Виктор. – Пока наши солдаты погибают, ты опять им продаешь оружие! Гнида!

– Где ты видишь оружие? – заорал на него один из приближенных Казака. Он присутствовал при сделке помимо пятерых бородатых представителей Ичкерии.

Виктор оглянулся и обнаружил, что оружия в ящиках, как в прошлый раз, нет.

– Что же вы на этот раз им продаете? – с удивлением спросил он.

В этот момент в палатку втолкнули еще двух добровольцев: Тимофея из Рязанской области и Семена из Ростова.

– Забирайте, – сказал командир чеченцам. – Они ваши!

Виктор открыл рот, не до конца понимая, что происходит, и получил прикладом в висок. Так он оказался в рабстве, о котором знал только по книгам, прочитанным в юности. Бежать из горного села, находящегося под охраной чеченских боевиков, не представлялось возможным. Его несколько раз избивали – для профилактики. Виктор от работы не отказывался, поняв, что главное – выжить, иначе он не увидит родных.

Вместе с Тимофеем и Семеном он жил в яме, вырытой прямо за скотным двором. Похлебку давали раз в сутки. Из сильного здорового мужчины Виктор на глазах превращался в изможденного невротика. Передать весточку своим было нельзя. Вокруг – враги, за слово на русском языке могли ударить. Здесь он был чужим, пришлым, рабской силой, которую купили на невольничьем рынке. Что больше всего подорвало веру в справедливость, так это то, что чеченцам на явную смерть их продали свои, русские. Деньги заменили совесть и офицерскую честь.

«Хотя какие из них офицеры? – думал Виктор. – Темные души бывших уголовников и воротил, вот кому выгодна эта война».

Время шло. Чеченцам поступил приказ отходить в Панкисское ущелье на территории Грузии.

Для рабовладельцев Виктор, Семен и Тимофей были Васями. Наверное, чеченцам казалось, что это сильнее подавляет волю человека и унижает его.

– Вы не люди, вы хуже, чем тузики, – говорили пленникам чеченцы, которые презирают собак. – Вас дешево продали, вы ненужный материал.

Виктор готовил боевикам еду на костре, стирал вещи. На его глазах перерезали горло двум русским солдатам, захваченным в бою, а он хотел жить.

– Ты нам денег стоил, работать будешь, – обещали Виктору.

Несколько раз он пытался подбить Семена и Тимофея на побег, но не сумел. Тимофею сломали ребро, Семен хромал после избиения. Далеко в таком состоянии не убежать. Лучшее, что может случиться, – быстрая пуля в спину, худшее – пытки, а потом смерть.

Ночами, в холод, Виктора согревали молитвы и радость, что крест с ладанкой не отобрали, побрезговали.

Их вывели из ямы под утро, после того как прозвучал призыв на молитву и правоверные совершили намаз.

– Мы уходим, – сказал один из чеченцев. – Вас в расход.

– Почему не отпустите? Что мы вам сделали? Работали днем и ночью! У нас семья, дети! – вскричал Виктор.

Он посмотрел на товарищей. С длинными бородами и отросшими волосами они и сами напоминали боевиков. У Семена дома осталась больная мать, у Тимофея – четверо детей.

– Пришли на нашу землю – сами виноваты, – объяснил чеченец, обмотанный патронташем.

Их вывезли на уазике за село, и в белом тумане, повисшем как пена на кружке пива, раздались короткие выстрелы. Жалости в диких ущельях нет. Перед смертью Виктор взывал к Христу, а затем почувствовал, словно на него сыпется горячий уголь, погребаящий его под собой. Очнулся он на мерзлой земле и понял, что наступил вечер, накрыл его тучным небом, а рядом лежат два мертвеца. Виктору пришла в голову мысль, что смерть вот-вот завершит свой обряд. Но тощая старуха с косою прошла мимо. Где война, там всегда хороший улов – у нее оказались более важные дела.

Виктор полз по горной дороге и то терял сознание, то приходил в себя и снова полз, стирая ладони в кровь. «Ни у кого из нас не будет могилы, – думал он. – Мертвые тела Семена и Тимофея растерзают звери, а моя участь еще под вопросом».

В какой-то момент он оказался на краю оврага и скатился кубарем вниз. В долине раздавался волчий вой. Достаться волку – небольшая радость. Это подталкивало раненого человека передвигаться на четвереньках, преодолевая боль и усталость. По приблизительным расчетам, Виктор прополз несколько километров и забылся. Он очнулся от того, что кто-то бил его по щекам.

Незнакомый и непонятный говор проник в сознание. Чужой язык не прочитаешь по губам. Мужик средних лет восседал на арбе, в которую был запряжен неказистый конь, а две грузные женщины в халатах, калошах и тулупах крутились возле Виктора и верещали, как белки.

Главное, что успел усвоить Виктор, – на чеченской земле важно, чтобы не решили, что ты здесь чужой. Поэтому ни на какие речи он не отвечал, мотал головой, мычал и закрывал глаза. Местные не прошли мимо, приняли горемыку за своего. Куртка на нем была военная, такие куртки в Чечне у каждого есть.

Несколько недель Виктор лежал в чужой временке. Семья чеченцев оказалась простой, небогатой. Они совершенно не знали, что делать с незнакомцем, который не может говорить. Глава семьи вызвал сельского лекаря. Тот поцокал языком, но пули не вытащил, только раны перевязал.

Женщины приносили Виктору бульон и домашний сыр. Из Грозного привезли другого врача. Тот в полевых условиях сделал Виктору операцию.

С каждым днем здоровье раненого восстанавливалось, и, как только потеплело, он решил незаметно покинуть гостеприимный приют. Тем более что хозяин начал приводить к постели больного односельчан и рассуждать, кто его гость и как найти родных.

Уйти удалось в мае, когда чеченская семья отправилась в город, оставив заботы по дому на старших детей. Детям бородатый незнакомец был неинтересен.

Виктор брел, думая о том, как выйти к русским. Пугало, что опять могут продать в рабство или обвинить в шпионаже. Но узнай чеченцы, кто он на самом деле, тоже бы убили. Доля наемника неприглядна.

Впереди показался русский блокпост. Солдаты наставили автоматы на бородатого мужика, обругали матом и едва не пристрелили. Виктор долго объяснял, кто он такой, получил несколько раз прикладом в бок и до выяснения обстоятельств отправился в тюрьму, откуда его, как ни странно, вызволил знакомый из Ставрополя. Знакомый занимал высокую должность, поэтому Виктора предупредили, что о чеченских приключениях он должен молчать, и обещали сохранить жизнь.

В начале осени с одной из воинских частей Виктор должен был уйти из Чечни. Но колонна танков и бронетранспортеров попала под шквальный огонь. Это показалось Виктору особым цинизмом. Надеяться на встречу с

семьей и опять предстать перед черным подолом смерти с мольбой о пощаде. Танк в середине колонны подбили, и Виктор поцеловал крест, радуясь, что находится в другой бронемашине. Но им тоже досталось. Раненых подобрали вертолеты.

В госпитале на территории Моздока, где лечили русских солдат, врачи сказали:

– Ты в любой момент умрешь.

– Почему? – удивился Виктор, лежа с перебинтованной правой рукой, которая словно отталкивала от себя пространство.

Он чувствовал себя неплохо, рвался скорее увидеть жену и дочку и не понимал беспокойства врачей.

– Помимо пуль, которые чудом не задели важные органы, в тебя попал крошечный осколок. Он находится у самого сердца. Его не достать. Правую руку опускать нельзя.

– Что?! А жить я как буду?! – Виктор не поверил своим ушам.

– Хочешь жить – тяни руку к небу, – посоветовали люди в белых халатах.

Смерть опять посмеялась над ним.

Вернувшись в Ставрополь, Виктор узнал, что жена и дочка были ранены при теракте в то же самое время, когда бородачи вели его на расстрел. Теперь он думал о том, что, сложились все иначе, они бы увиделись в другом мире. Жена плакала.

Спецслужбы запретили заикаться о плене и расстреле. Небольшая пенсия и в любой момент «переход на другие частоты» – это все, что заработал Виктор на чеченской войне.

Проводив его, мы с мамой задумались о том, что иногда все бывает совсем не так, как кажется.

Мама нашла работу в «Пружинке». Это был небольшой магазинчик, где продавались телефоны. Уборщицу там официально не оформляли. Все документы были на родственников начальника. Но мама была согласна мыть полы и так.

В «Пружинке» трудился менеджером молодой парень, который, вдохновившись идеей опубликовать мои дневники, дал объявление в интернете: «Мы ищем издателей» – и получил одно-единственное сообщение: «Заткнись, если хочешь жить!»

Заполнив несколько анкет, я устроилась в отдел мягких игрушек в магазине у Верхнего рынка. Я предлагала покупателям плюшевых мишек, ежей и крокодилов, конструкторы и машинки. Заворачивала их в подарочную бумагу и украшала цветными ленточками.

Моя напарница Фаина – крупная девица двадцати семи лет – родилась и выросла на ставропольском хуторе Осинка. Работы там не было, население хлебало горькую, кругом, куда ни посмотри, царила нищета. До того как попасть в магазин игрушек, Фаина снимала комнатку. Затем познакомилась с мужчиной-строителем и ушла к нему, на чердак заброшенного дома. Мужчина был тоже из забытой богом деревни. О своем жилье они даже не мечтали, радовались, что нашли друг друга.

– В Осинке все спились, посмотреть не на кого, и я была старой девой, – пожаловалась Фаина, увидев меня в первый раз. – Приехала в Ставрополь и хоть здесь узнала, что такое мужик!

Я, смутившись такой откровенности, уткнулась в коробку с плюшевыми котятами.

Работодатель Влад приказал на каждую игрушку повязать бантик, чтобы создать праздничное настроение к Новому году.

– Работать будешь шесть дней в неделю, тринадцать часов в сутки, – объяснил он.

Моя зарплата при этом составляла только половину от суммы, которую следовало платить за постой, поэтому в свой единственный выходной я мыла подъезды жилых домов.

На новой работе первое время нас с Фаиной не пускали в туалет. Дело в том, что магазин, где находился отдел игрушек, был поделен между разными владельцами, которые враждовали между собой. Поскольку мы не могли тринадцать часов подряд терпеть, то бегали за четыре квартала в супермаркет «Мухомор».

– Не позволим сесть на наш унитаз! – кричали мне и напарнице продавцы из соседнего, парфюмерного отдела.

Война не прекращалась. Директор Арарат, заведовавший другой частью магазина, приказал не пускать нас и в бытовку. Его продавцы в обед разогревали себе еду в микроволновой печи. Наш обед представлял собой быстрый перекус на коленях прямо за витриной. В отделе парфюмерии сильно пахло духами, поэтому, не испытывая к нам никакой жалости, продавцы Арарата держали двери нараспашку, и мы, сметая снег, летевший на игрушки, очень мерзли.

Полная, рыхлая, бросившая школу в пятом классе Фаина – подруга по горькой участи – плакала. Она приехала в город за счастьем, а ей пришлось спать на чердаке. Когда в отделе не было покупателей, мы гадали на картах и звонили по телефону.

Стационарный телефон красного цвета с черными кнопками стоял на полке рядом с пупсиками. По нему можно было разговаривать бесплатно. Пока Фаина была на посту, я смеялась над приключениями Николая. Он рассказывал, как ходил с братом устраиваться на работу. В объявлении было указано, что эта работа для перспективных молодых людей Ставрополя. Но на деле оказалось, что это секс по

телефону. Николая хотел уйти с собеседования, но постеснялся. Им выдали анкеты.

Комиссия внимательно изучила заполненные бланки и вынесла вердикт:

– Вы подходите для порнофильма.

– В этот момент мы подхватили куртки, надели штаны... – продолжил Николай.

– Что?! Штаны?!

– Ты не поняла... просто одежду, – быстро поправился Николай и замолчал, а через минуту добавил: – Вот так мы и побежали с улицы Гражданской.

– Они наверняка что-нибудь скоммуниздили, вот и бежали, – вставила свои десять копеек Фаина.

Работа в магазине мотивировала делать записи в дневник.

Привет!

Сегодня, едва я пришла в магазин, на меня и Фаину опять набросились женщины из соседнего отдела:

– Не смейте пользоваться нашей уборной!

– Мы там наводим чистоту!

– Это только для нас!

Фаина побрела мыть полы и стены, чтобы доказать: мы тоже готовы раз в неделю делать уборку. Но над ней стояли продавцы и, выслуживаясь перед своим директором, командовали:

– Это не так! То не так! Ты не умеешь! Делай так!

В итоге Фаину вытолкали из уборной и заявили, чтобы наши работодатели сами мыли унитаз.

Когда явились жена и мать Влада проверить, как обстоят дела в отделе игрушек, я прочитала им стихи, а затем перевела разговор на утренний скандал.

Жена Влада Соня пришла в ярость. Позвонив мужу и вызвав его в магазин, она направилась в отдел парфюмерии,

а за ней – свекровь. Директор Арарат и его помощники выскочили навстречу. Присутствие покупателей никого не смутило. Началась рукопашная схватка.

Покупатели, чтобы не огрести по шее, сматывались через открытую дверь.

Старуха свекровь дралась сразу с двумя продавщицами, таскала их за волосы.

– Говняшки! Букашки! Козявки! – то и дело выкрикивала она.

Поднялся страшный вой и визг, направо и налево сыпались удары и оплеухи. Примчавшийся Влад колотил Арарата и его продавцов веником, намоченным в унитазе. Соня отвешивала им пинки. Наконец раздалась просьба о пощаде.

Парень Фаины, строитель, зашел как раз вовремя. Схватив Арарата за грудки, он пообещал:

– Я принесу гвоздодер, дверь в туалете вышибу и повешу шторку. Понятно?!

Директор Арарат закивал, что ему все понятно.

Так мы отстояли право раз в день посещать уборную.

После случившегося продавцы и директор в соседнем отделе ведут себя тише воды, ниже травы.

П.

Николя позвонил и пропел испанскую колыбельную по телефону. Наверное, я ему нравлюсь. Почему мы не вместе?

На сотовый телефон пришло сообщение: «Я тебя люблю». Отправитель остался неизвестным. Я спросила Николая, не он ли отправил послание.

Николя отшутился:

– Ты что?! Это не я. Я тебя терпеть не могу.

И так и не сознался. Кто же это?

История о драке в магазине ему понравилась.

– Bravo! – кричал он в трубку и смеялся.

Ночью мне приснился сон. В доме было две комнаты. Мы с мамой находились в той, что выходила окнами на север, а в южной комнате стояло зеркало в человеческий рост. Я рассматривала деревянное сплошное покрытие, потому что посеребренное стекло было отвернуто к распахнутому окну.

Подойдя ближе, я увидела, как изнутри показалась женщина. Ее изящная ножка в туфельке из черного бархата перешагнула через деревянную раму в нашу реальность. Хихикая, незнакомка подобрала края юбки с оборками и, заметив, что я испугалась, спряталась обратно.

Я проснулась и пожаловалась маме, что опять снится бред. Мы вместе подошли к зеркалу. Из него выглянула та самая женщина и сказала мне:

– Что же ты от своей бабушки убегаешь?

Я ответила:

– Моя бабушка умерла.

Женщина с обидой заметила:

– Я тоже давно мертва! Нехорошо быть такой невежливой!

Бабушка Галина шагнула из зазеркалья.

– Давно я тебя не видела! – сказала она.

– Твоя бабушка у нас на кладбище как королева! – сообщила женщина в юбке с оборками. – Все просят ее совета.

За ними из мира духов пришла прабабушка Юля-Малика, и мы проговорили до рассвета.

В шесть утра я уже спешила на работу. Плющевые щенки и пластмассовые куклы, яркие машинки и заводные поезда успокаивали меня, создавая ощущение радости, несмотря на распахнутую дверь, откуда веяло холодом. Единственное, что тяготило, это отсутствие

возможности писать. Поэтому я брала дневник с собой и, положив его у телефонного аппарата, делала записи.

О том, как лежала с температурой из-за болей в желудке, оттого что ребенком вместо воды пила черный от пожаров снег и ела соленые помидоры. Потому что другой пищи не было. Как не было ни лечения, ни реабилитации, ни компенсации. Никогда ни единой капли алкоголя, невозможность вдоволь поесть любимой жареной картошки, ничего... Боль от овсяной каши! Это было обидно.

Иногда в магазин приходил Николая. Он помогал упаковывать игрушки и делал это намного аккуратней и красивей, чем я.

– У меня бывают приступы паники, несколько раз я хотел покончить с собой, – признался Николая.

– Если тебе нужна моя помощь, только скажи.

Он взял меня за руку.

– Я просто побуду рядом. Ладно?

– Ладно!

Покупатели покрутились и ушли, видимо надеясь, что в наших отношениях что-то прояснится. Я тоже этого ждала. Но Николая вздохнул и сообщил:

– Ты самый лучший друг. Я люблю тебя как сестру.

Меня это заявление огорчило, но я не подала виду. Ответила:

– Ты мой самый лучший друг. Можно сказать, что брат.

Продавцы из соседнего отдела извинились и попросили погадать на женихов. Я гадала им по руке, и все совпало.

В обеденный перерыв по просьбе Фаины я закрыла глаза и мысленно спросила, что делает ее парень. Увидела его сидящим и заполняющим бланки. Он был одет в сине-серую строительную одежду. Фаина тут же позвонила ему по телефону и спросила:

– Что ты делаешь?

Он:

– Целый день кирпичи клал. Очень устал. Сейчас сел заполнять бумаги. Нужно рабочие комбинезоны купить!

– А какого цвета на тебе одежда?

(Фаина ее никогда не видела.)

Он ответил:

– Сине-зеленого!

Цвет почему-то преломился.

Фаина полчаса отходила от того, что услышала. Я тоже, потому что не очень верю в свои способности.

Вечером напарница предупредила меня, что несколько дней не придет в магазин. Милиция обнаружила их жилище. Вещи с чердака выбросили. Она и ее парень будут искать угол, где ночевать.

Ежедневно до часа ночи я писала письма. В знаменитую «Новую газету», в Фонд Солженицына, одному из ведущих российских режиссеров и по другим адресам.

Режиссер когда-то знал семью моей матери. Мама дружила с его женой. Теперь он стал важной птицей и не отвечал выжившим под бомбами. Богатство и слава портят людей; в бедности дружба искренней.

– Мы общались. – Мама, лежа на разломанной спинке дивана, вспоминала молодость. – Он предлагал мне сниматься в картинах, но я отказалась. Наша семья была строгая, бытовало мнение, что актеры – свободные люди, среди них много интриг, флирта. Родители были против такой работы.

– Согласилась, и мы бы жили в Москве, – ответила я, заклеивая очередное письмо.

– Возможно, выбери я другую судьбу, у меня бы родился другой ребенок, а вовсе не ты.

– Мам, у меня есть надежда. Знаешь, никто не верит, а я верю. Булгаков скончался, так и не увидев своего главного

труда напечатанным! Спасибо, его жена смогла сохранить рукописи. Я тоже храню дневники, которые боятся издавать и советуют сжечь, но я знаю, что придет время и они будут знамениты на весь мир.

– Ты неисправимый романтик, – сказала мама и зевнула.

Я укрыла ее одеялом и отправилась на кухню варить фасолевый суп с жареным луком. Это была наша еда на несколько дней.

Я решила, что утром с молитвой нужно отправить письма. Может быть, кто-то их прочитает...

Засыпая, я погрузилась в сон, сотканный для меня разбушевавшейся декабрьской метелью. Недоуменно я рассматривала женщину в платье с открытыми плечами. Ее волосы были уложены наверх и открывали длинную шею. Незнакомка счастливо улыбалась. Ее осанка была статной, а поступь – величественной. Кажется, женщина шла к чему-то, похожему издали на сцену театра...

Всматриваясь в ее лицо, я почувствовала, что являюсь всего лишь мыслью и витаю в воздухе, перемещаюсь в пространстве, а эта женщина – я. Аллах, как можно быть с обнаженными плечами и без платка? Что я вижу?! Я сделала глубокий вдох и поняла, что стою в свете софитов перед огромным залом.

– Что я здесь делаю? – тихонько спросила я.

Помощница, крутящаяся неподалеку, всплеснула руками:

– Как же! Сам король вручает вам Нобелевскую премию!

В этот момент я отчетливо поняла, что мои чеченские дневники изданы. Изданы! И сейчас я должна произнести речь. Открыв рот и удивляясь самой себе (английский я практически не знаю), я произнесла на чистом английском:

– Благодарю вас, дамы и господа! Эта книга была самой важной для меня, для всех, кто пережил страшные войны на моей родине. Для русских, чеченцев, ингушей и всех других национальностей! Это наша общая трагедия! И мне удалось рассказать об этом!

Николя позвонил мне за сутки двадцать шесть раз – я начала вести подсчеты.

Он сказал:

– Я хочу слышать твой голос!

Николя боялся этого мира и притягивал к себе его темную сторону. Я пыталась помочь ему справиться с приступами паники, советовала задерживать дыхание и представлять, что он находится на дне океана, под толщей воды, где его никто не потревожит. Но главным утешением для Николя оставались сигареты. Он курил в невероятном количестве.

Я начала замечать перемены в себе. Нарастало чувство раздражения и неприятия окружающих. Их реакции были слишком замедленны. Поскольку на войне опасность поджидала каждую секунду, я привыкла мыслить по-другому. Быстро. Стремительно.

В магазине игрушек меня раздражало радио с непристойными песенками, больше пригодными для панели, чем для образованных людей. Неумение окружающих осознать ценность и быстротечность жизни повергало в уныние.

Несколько раз я теряла сознание. Нет работы – нет еды, мы погибнем. «Как солдату, мне нужно держаться до последнего», – решила я.

Порой мне стало чудиться, что я слышу взрыв. Тот, который произошел годами ранее. Тогда я оглохла на трое суток. Волна из прошлого будто накрывала все вокруг.

И с трудом различались голоса и мелодии пошлых песенок. Безумно хотелось тишины... Тишина! Это была недоступная радость. Радио гремело целый день, и приходилось перекрикивать его, общаясь с покупателями. Остальные продавцы любили шум, тонули в нем, чтобы забыть о своих проблемах, а мне было необходимо спокойствие. От громкой музыки холодели руки, начинала кружиться голова, немели губы. Я не понимала, почему это происходит со мной... Я вздрагивала, будто рядом разрывалась бомба.

Однажды, вздрогнув от разрывов снарядов, слышных только мне, я, упаковывая игрушки, сильно порезала руку.

В полдень наш магазин посещала Марина. Эта женщина жила тем, что готовила обеды на дому, а затем ходила по торговым точкам и предлагала тарелку еды за двадцать рублей. Таская на себе тяжелые бидоны и посуду, Марина сгорбилась и выглядела не по годам старой.

Моя мать напросилась к ней в помощницы, и Марина разрешила ей чистить картошку и делать салаты за порцию еды раз в день.

Из «Пружинки» маму прогнали при проверке документов, поскольку она не была официально оформлена.

Я спросила Влада и Соню, когда со мной рассчитаются за отработанный месяц.

– Не торопись, – ответили они. – Жди!

Мизерной зарплаты не хватало, чтобы досыта питаться, и мама опять начала твердить о самоубийстве.

А мне хотелось сделать всем друзьям и знакомым небольшие сувениры-подарочки, и еще я ждала, что меня оформят по договору, как обещали.

В течение дня мама несколько раз звонила в отдел игрушек и плакала, что не выдержит больше оскорблений

и преследований. Я просила ее: оставь тему чеченской войны в разговорах с соседями. В Ставрополе мало знают правды о войне. Мама меня не слушала.

– Не могу так жить! – сокрушалась она.

Выслушав ее, я попыталась сломать ненавистное радио, но меня ударило током. Это было похоже на укусы пчелы. В детстве меня жалили пчелы, когда я бегала на поле с цветами и там кружилась.

В кружении я чувствовала сверхъестественную мощь.

После рабочего дня я отправилась в медакадемию, где мама по вечерам убиралась. Тоже, разумеется, без оформления. По дороге мне встретились Захар и Николая. Они были расстроены и голодны. Я сунула в карман Николая мелкие деньги. Он хотел вернуть, но я оттолкнула его. Тогда Захар и Николая погнались за мной, но я оказалась ловчее: вбежала в медакадемию и закрыла засов.

Помогла маме вымыть зал и коридоры, так как она мучилась от сердечного приступа.

Вечером друзья позвонили по телефону, благодарили, а я рассказала им, как Фаина меня спасла. Шел девятый день моей работы. Соня с покупательницей стояли по одну сторону витрины, а я и напарница – по другую. Мы показывали женщине очень дорогой набор игрушек «Железная дорога» (его стоимость равнялась моей месячной зарплате). В наборе были вертолеты, машинки и поезд. Я достала одну из пластмассовых машинок, а она хрустнула и разломилась пополам в моих руках.

Соня повернулась ко мне:

– Эй ты, чеченка! Осторожней! Не поломай мой товар!

Я побледнела:

– Кажется, уже...

Фаина, стоявшая рядом, все видела. Пихнув меня ногой, чтобы я закрыла рот, она громко спросила:

– Уважаемая Соня, подскажите, где здесь продаются пирожные?

Хозяйка своим ушам не поверила:

– Что за дерзость?! Пирожных ей захотелось?! Ну-ка, работать!

Воспользовавшись ситуацией, я сунула сломанную машинку обратно в коробку.

– Хороший человек – большая редкость в наши дни, – сказал Николая, выслушав меня. А затем предложил: – Приходи к нам в гости. У тебя ведь завтра выходной? Захар испечет пирог, а я обещаю не ругаться матом.

– Ловлю на слове, – сказала я.

Назавтра было воскресенье. Мытье полов по чужим подъездам сократилось – не все жители имели возможность платить за уборку, поэтому я отработала только три часа.

Мама по воскресеньям отдыхала. У нее на днях украли кошелек, в котором находилась сумма, равная цене трех килограммов картофеля. Мы перетрясли все вещи, проверили по сантиметру ковер, обыскали углы. Кошелька не было. Решили, что кому-то он оказался нужней, чем нам. Но мама все равно злилась.

– Это нечестно! Несправедливо! – без конца восклицала она.

Я отправилась в ванную комнату. Мне хотелось красиво уложить волосы и накрасить глаза. Вдруг Николая признается мне в любви? По поводу его чувств у меня не было ни малейшего сомнения.

Из ванной я выпорхнула через полчаса и обнаружила мамин кошелек на самом видном месте.

– Ты кошелек нашла? – заорала я.

Мама забормотала:

– А?! Чего?!

Ключ от комнаты был только у нас.

Мы открыли кошелек и пересчитали купюры. Денег там стало в два раза больше, чем было. Объяснить это чудо мы не смогли никаким образом.

Адрес Захара и Николая, написанный на клочке бумаги, я положила в карман. Николай предупредил, что в данный момент они проживают в квартире старшего родственника, расположенной на улице Лермонтова.

Шагая по декабрьскому хрупкому ледяному мостику две тысячи пятого года, плавно уводящему меня в две тысячи шестой, я понятия не имела, чем обернется эта встреча. Многие я повидала в Ставрополе, но до определенного момента события казались понятными, укладывались в систему координат. Изучая неведомый для меня русский мир, я фиксировала происходящее с невероятной тщательностью.

Когда я вошла в подъезд и поднялась на нужный этаж, то удивилась: дверь квартиры оказалась мощной, бронированной, словно здесь жили не бедные родственники, а настоящие богачи. И я подумала, что перепутала подъезд. Но номер квартиры был правильный.

Дверь открыла Фрося, про которую Николай заранее предупредил: «Любит выпить. Снимает одну из комнат в квартире по разрешению старших в моей семье».

Фрося посмотрела на меня сквозь непроницаемые черные очки и сморщила нос.

– Если Николай не проснется, выгоню тебя на улицу! – с порога заявила она.

На молодой женщине были надеты застиранные бордовые шорты и короткий спортивный топик, облик довершало гнездо спутанных светлых волос.

Пока я разувалась, Фрося отправилась на кухню и, усевшись на дряхлую деревянную табуретку, положила ноги в носках разного цвета на единственный свободный стул.

Происходящее начинало мне не нравиться. Я подошла, выдернула из-под Фросиных ног стул, села и сказала:

– Спасибо!

– Пожалуйста! – ответила Фрося таким голосом, словно собралась меня отравить, и затянулась сигареткой.

На шум вышел Захар. Он попросил меня подождать. В их комнате после сна шла уборка.

Фросина комнатка оказалась через стену.

Молча выкурив три сигареты подряд, Фрося сняла очки, смерила меня презрительным взглядом серых глаз, хмыкнула и ушла к себе.

В комнате братьев я увидела маленький деревянный столик, горы DVD-дисков, просторную софу у окна и разноцветную ковровую дорожку на полу.

Поскольку стульев в комнате не было, а кресла были завалены одеждой, я по-восточному опустилась на пол. На чужое спальное место садиться было неприлично.

Из клетки, стоящей на столике, выбежал белый крысенок и начал смешно шевелить усами.

– Его зовут Локи, – сказал Захар. – Я подарил его Николаю.

– Локи мне снился задолго до своего рождения, – за чем-то пояснил Николай, расхаживая по комнате в футболке и плавках.

– Надень-ка штаны! – посоветовала я ему.

Николай послушно выполнил мою просьбу, а затем принес табуретку и стул. Мы поговорили об отсутствии работающих законов в стране, после чего я уселась к компьютеру. Компьютер Николай был пращуром современных ноутбуков.

– Новый пришлось продать, когда не было денег.

– Понятно.

Мог бы и не объяснять.

Захара Николая отправил на кухню печь пирог, и мы наконец остались наедине.

– Ты быстро печатаешь? – спросила я Николая. – Помоги напечатать статью о хорошем человеке.

– А зачем? – спросил Николая. – Неужели ты думаешь, что ее кто-то прочитает? Современные люди бездушны и глупы. Меня раздражает их присутствие, кроме избранных, которых один на миллион.

– На меня намекаешь?

– Вначале я думал, что ты такая, как все. Но я ошибся. Кроме тебя и Захара я не знаю никого, с кем мог бы говорить спокойно.

– А Фрося?

– У нее запутанная история.

– Так ты сможешь со статьей?

– Давай, – легко согласился Николая.

– Леонид Царицынский, художник-антифашист, – продиктовала я. – Узник лагеря Бухенвальд. Его дважды приговаривали к расстрелу.

Николая отложил сигарету.

– Ты его лично знала?

– Когда я была маленькой, он нянчил меня на руках.

– Это друг твоего деда Анатолия?

Я кивнула и продолжила:

– Леонид Иванович родился в Ставропольском крае 11 августа 1920 года. Еще ребенком приехал с родителями в ЧИАССР. В 1941 повторил судьбу своего поколения: фронт – плен – Бухенвальд.

Узники лагеря смерти называли его Леон и уважали за силу духа. Когда войска союзников подошли к концлагерю, Леонид был в ряду тех, кто поднял восстание. План гитлеровцев – уничтожить заключенных – был сорван.

Блуждая по дорогам снов, что выводят сквозь канонаду к старому грозненскому бульвару, я часто захожу в

дом № 15, квартиру № 41 на улице Розы Люксембург, где жил старый друг моего деда, художник Леонид Царицынский.

Моя семья подружилась с ним задолго до национальных распрей и кровавых чеченских войн.

... В 1945 году Леонид вернулся на родину в СССР. Поскольку он был в плену, его обвинили в измене и он попал в НКВД. Его так пытали и били, что он едва выжил. Из Бухенвальда Леонид вышел своими ногами, а из НКВД его вынесли на носилках, и то благодаря поддержке европейцев, сидевших с ним в концлагере. За Леонида вступились друзья-антифашисты из Франции, Польши и Германии. Международный Красный Крест присудил ему медаль «За победу над смертью». Его вышвырнули на свободу еле живого. Бывший узник Бухенвальда после застенков НКВД мог пить лишь кефир.

Восстанавливать здоровье Леонид начал с дыхательной гимнастики. Книги по йоге были редкостью в СССР. Ходил по рукам самиздат. Спасибо друзьям! Они смогли передать нужную литературу на французском языке. Он выжил, чтобы родился Художник. Всю жизнь Леонид мечтал рисовать. Он стал необычным художником: едва световой луч касался полотен, цвета сменяли друг друга как по волшебству. Он закрывал на окнах тяжелые шторы, включал музыку Баха и писал. Так появлялись его картины о лагере смерти, мужестве и любви.

Продавать свои произведения Леонид не любил. Он их дарил, щедро и непредсказуемо – журналистам, актерам и соседям.

– Это мои дети, – объяснял художник. – А детей не продают!

Одна из работ, «Женщина-вампир», понравилась Владимиру Высоцкому. Она была подарена актеру и поэту вместе с памятью сердца – листовкой на мешковине. Той

самой, написанной кровью, с призывом к восстанию. Из лагеря Бухенвальд.

Некоторые работы Леонида Царицынского приобрели крупные музеи: Русский музей, Третьяковская галерея, Новосибирская художественная галерея. В 1972 году на международной выставке во Флоренции восемь его работ получили золотые медали.

Умер Леонид Царицынский в Москве. Внезапный наезд автомашины оборвал жизнь человека, ставшего легендой. Водитель скрылся.

Сигарета Николая испепелилась, а он задумался, обхватив руками голову.

– Странно, что мы живем в одном пространстве и не замечаем таких личностей, – сказал Николая.

– Привыкли мы: мол, кто не видит – слеп.

А как же мы? А что же делать с нами?

Мы обладаем зоркими глазами.

Мы ясно различаем тьму и свет.

И все-таки нас кружит темнота.

И все-таки мы суете подвластны.

Мы сдуру восклицаем: «Красота!»

А это лишь насмешка над прекрасным.

Я прочитала отрывок из стихотворения В. Сидорова.

Николя сохранил файл, а затем решил познакомить меня с тем, что нравилось ему в современной культуре. Мы смотрели фрагменты из фильмов и клипы на экране монитора.

– Меня вдохновляет Наталья Орейро. Каждый ее жест бесподобен! В России ей созвучна только Рената Литвинова! – восхищался Николая, показывая мне ролики.

– Угу, – кивнула я, отметив, что ему нравятся худенькие девушки.

– Хочешь послушать мою любимую песню?

– Да.

Николя включил «Tu Veneno». В клипе Наталья Орейро пела: «Tu amor es el fuego que me esta quemando»⁴, а Николая ей подпевал. Это было странно, но только сейчас, впервые познакомившись с творчеством уругвайской звезды, я разглядела, что Николая внешне похож на Наталью Орейро. Его волосы были уложены как у певицы, те же движения, та же манера говорить, зеленый цвет глаз.

– Нравится? – спросил он.

– Не совсем мое, – ответила я, чтобы его не обидеть.

– Я знаю, что придется тебе по душе.

Он порывлся в папки на рабочем столе и включил «Como Te Olvido», клип, где набожная красавица попадает в замок к вампиру и влюбляется в него.

– Como te olvido y dime como te olvido⁵, – напевал Николая.

– Ты прав. Это очень нравится.

Плавным движением Николая поправил прядь моих волос, выбившуюся из-под легкого газового шарфика, и сказал:

– Ты так стесняешься меня! Расслабься, все хорошо.

От неожиданности я даже дар речи потеряла. Что за непристойность! Мне пришлось отодвинуться на полметра и строго посмотреть на собеседника. Николая мой взгляд оценил и принес старый целлофановый пакет с фотографиями. Их было несколько сотен.

– Это люди из моей жизни, – сказал он.

Он показал старшего брата, которого я никогда в жизни не видела, очаровательную невестку по имени Лиана

⁴ Твоя любовь – это мишень, твоя любовь – это огонь.

⁵ Как тебя забыть, скажи мне, как тебя забыть.

и жену питерского депутата – свою троюродную тетку – в гостях у президента. Николая демонстрировал фотографии с Захаром, показывал родственников на Кипре, знакомых во Франции. Некоторые фото были просто чудесны. Те, что я особенно нахваливала, Николай положил мне в сумку на память.

Из кухни появился Захар, и ребята начали меня угощать.

Потом мы лазали в интернете. Интернет был для меня неизученной площадкой. Николай открывал и показывал газеты, которые, как выяснилось, можно легко найти в поисковике.

Я попросила друзей дать мне возможность набрать свои стихи и бестолково застучала по клавиатуре, как заяц ранней весной. Глаза мгновенно устали. Мне пришлось поморгать, и на мгновение я отвела взгляд от монитора.

Повернув голову, я обнаружила, что Николай сидит на коленях у Захара. Они целовались! Подумав, что сие видение – галлюцинация, ведь иначе быть не могло, я снова уставилась в монитор, мысленно отгоняя от себя нечистую силу. Это же надо такому привидеться! Свят, свят, свят! Защити, Аллах, и помилуй!

Прошло несколько минут, и Николай довольно громко спросил:

– У тебя нет вопросов?

– Нет! – ответила я, продолжая набирать свои вирши.

Николай театрально вздохнул и манерно произнес:

– Ты плохая актриса. Я не дал бы тебе первую роль!

– Дал бы вторую, – отшутилась я. – Тоже нашелся режиссер!

– Не уходи от темы, – заявил Николай.

Я промолчала.

– Мы с Захаром никакие не братья! И никогда ими не были. Мы познакомились по интернету. Он мой любовник!

Видимо, от неожиданного и совершенно ошеломляющего известия у меня так изменилось лицо, что Николая поспешил добавить:

– Но мы ведь с тобой останемся друзьями?

– Да, останемся, – еле слышно произнесла я и почувствовала, что в горле першит, руки онемели и сильно кружится голова. Воздуха не хватало. От шока началась тахикардия.

Мне следовало немедленно встать и уйти. Дело в том, что у нас в Чечне то, в чем признался Николая, называется сатанинским извращением и карается мучительной смертью.

За двадцать лет на родной земле я не встретила ни одного гея и только слышала от взрослых, что где-то «недостойные» были обнаружены и немедленно растерзаны обезумевшей от ярости толпой.

Сейчас же передо мной объявились сразу два гея! А ведь я искренне верила целый год, что это двоюродные братья!

– Послушай, – сквозь туман сознания пробивался голос Николая, – мне с девушками не везло. Кто-то под наркотиками и водкой, те, кто поскромнее, живут с родителями, а потом сразу замуж. Захар – опытный партнер. У него до меня было одиннадцать мужчин и восемнадцать женщин. Мне с ним комфортно. Понимаешь?

Почувствовала, что выдохнуть смогла, а вот вдохнуть вряд ли удастся, сердце стучало в бешеном ритме, молитва уже не читалась, а гремела внутри, словно ангелы пытались спасти меня от Страшного суда. Мое лицо стало пунцовым, и Николая догадался открыть окно. Любовники добродушно смотрели на меня.

– Ничего против ваших отношений не имею, – кое-как пискнула я, не узнавая своего голоса.

– Наши родители знают обо всем, поэтому пытались разлучить. Помнишь, приходили в магазин? Это нас искали!

Родители Захара обеспеченные. Отец – военный! Моя семья меня ненавидит, только бабушка иногда помогает и, скрипя зубами, старший брат, – продолжил Николая.

Вместе с остатками чая я случайно выпила из чашки заварку, прожевала чайные гранулы и поморщилась.

– Итак, объяснение произошло потому, – возбужденно размахивал руками Николая, – что мы – ты и я – друг другу невероятно симпатичны. И во избежание недоразумений, так как Захар меня дико ревнует, я решил все рассказать. Геи – противники всяких тайн и загадок!

– Угу, – кивнула я, крепко держась за край стола. Покачнулась, но не упала. Слава Аллаху.

– Захар пытался тебе позвонить, чтобы все выяснилось, – сообщил Николая, взъерошив любовнику волосы. – Именно поэтому это сделал я. Но ты ведь будешь приходить к нам в гости?

– Да, – еле слышно произнесла я и подумала, что если бы религия позволяла, то я непременно выпила бы большой бокал вина, а может быть, и целую бутылку. Но и здесь передо мной возвышалась неприступная стена: алкоголь у нас является смертным грехом.

– Сигарету? – предложил Захар.

– Упаси бог! – махнула я на него листком бумаги. А затем добавила: – Мне пора!

Всю дорогу до остановки мы болтали. Они расспрашивали, был ли у меня парень, а я рассказала о чеченце по имени Алладин, с которым однажды поцеловалась. Больше мне поведать было нечего.

Ребята грустно вздохнули:

– В диких местах любви нет!

Я вошла домой, телефон уже разрывался. Это был Николая. Я так расстроилась, что ничего не говорила, а только горько плакала и полчаса слушала, как он меня утешает.

– Я тебе нравился? – спросил он.

– Немножко, – ответила я, основательно приврав. Он мне сильно нравился. Он был моим светом, моей радостью и надеждой.

Николя начал оправдываться:

– Прости, я не хотел тебя разочаровывать. Мы с Захаром любим друг друга и храним друг другу верность. Мы вместе едим, спим и принимаем ванну. Он мое сердце и мой рай. Без него я не смогу жить. Я умру.

Я положила трубку. Впервые в жизни я не спала всю ночь и ждала, когда прозвенит будильник. Мне казалось, что я нахожусь в пространстве, где нет ничего, кроме боли, которая трансформировалась в плиты с торчащими иглами. Тысячи игл прошли сквозь меня и в какой-то момент соединились между собой. Разум шепнул: вот и все, дальше физическая оболочка не живет, сейчас ты умрешь и наступит отдых. Но ничего подобного не произошло. Я не умирала! Вспоминая все, что видела на войне, я вновь ощутила ранения, безудержный страх за больную и несчастную мать, избиения в школе за «поганое русское имя».

Мы – то, что мы помним. Мое «я» состояло из циклов воспоминаний, годовых колец старых сосен, из которых не вырваться в сияющую пустоту. Весь калейдоскоп, собранный на пути, мог убедить мелкого обывателя в том, что гранита достаточно, чтобы создать панцирь для сердца. Но на самом деле пересмотренные обрывки воспоминаний были лишь пеплом. Это был настоящий мусор, о котором можно слагать легенды или, размахнувшись, выбросить в Лету. Становилось отчетливо ясно, что, путешествуя между уровнями глубоких снов, я погибла, поэтому иглы не могут разрушить физическое тело. Металлические тонкие штыри впились в душу, разрывая ее на части, и пытка, помноженная на вечность, стала моим дыханием. Только бесшумный крик на высоких частотах оставил след, окрасив несколько прядей в лунное серебро.

В семь часов утра я уже разбирала коробки в отделе игрушек. Прибыли новогодние сувениры. Грузчики оставили товар рядом с обледеневшей дверью и ушли. Расстроенная и заплаканная, я выслушала, как Влад на повторную просьбу отдать зарплату ответил отказом. Выяснилось, что и обеда сегодня не будет. Никакого перекуса за тринадцать часов работы.

– Твоя напарница не придет! Поэтому ешь дома, – строго сказал Влад, сел в машину и был таков.

От коробок с новогодними сувенирами меня отвлекла дама в норке. Ей нужна была цветная лента, какой перевязывают подарочную упаковку. Я продала ленту за двадцать рублей, преисполнившись решимости купить себе обед. Это была хитрость: ленточка официально была бесплатной. Понимая, что не могу целый день голодать, я пошла на «дело». Так государство, не проявляя заботы о гражданах, в той или иной степени толкало их на преступления.

В отсутствие хозяев я стала немного набавлять цены на игрушки и таким образом подрабатывать.

После того как я узнала тайну Захара и Николая, недоумение возросло: кто же писал мне тайные послания о любви? Сообщений с признаниями накопилась в телефоне целая папка.

Зачем Николая подарил мне свои фотографии?

Я подумала, что люблю его. Почему в таком случае нужно идти на самопожертвования? Благие истины – фальшь, это не более чем оправдание, когда ты не в силах бороться за свое счастье.

– Полина, ты понервничала, – сказал он, набрав телефонный номер отдела игрушек. – Это хорошо! Ты похудеешь!

– Хочу книгу Пауло Коэльо «Одиннадцать минут», – капризно потребовала я.

– Подарю! – пообещал Николая.

Слушая его голос, я понимала, что никогда раньше не встречала столь начитанного, несчастного и этим похожего на меня человека. Такого родного и драгоценного. Он тоже радовался возможности выговориться, ведь с Захаром тему для разговора следовало заранее продумывать. Я спросила:

– Как это?!

Оказалось, Николая внимательно изучал настроение Захара, чтобы вести дальнейшую беседу.

– Потом у нас с ним отличный секс, – признался Николая.

Близость душ мне представлялась несколько иначе, поэтому я промолчала.

– Одиночество ничем не запьешь, – продолжил Николая. – Без Захара я одинок. Я знаю о нем все. Его любимую музыку, любимый фильм, любимый шампунь.

– И что же это?

– Шампунь с – запахом клубники, фильм – «Достучаться до небес»⁶, группа – «Rammstein».

– Какой твой любимый фильм?

– «Догвилль»⁷. Я смотрел его десятки раз. Он словно снят обо мне.

– Не видела.

– Мы с тобой его обязательно посмотрим.

Расчесывая куклам волосы, я пользовалась отсутствием Влада и Сони и не выпускала телефонную трубку, крепко прижав ее плечом к уху.

– Расскажи о себе, Николая.

– В детстве я пытался отрезать игрушечному чертику рога. Взял отцовскую бритву и подумал, что, если у чер-

⁶ «Достучаться до небес» (англ. Knockin' On Heaven's Door) – кинофильм 1997 года сценариста и режиссера Томаса Яна.

⁷ «Догвилль» (англ. Dogville) – фильм режиссера Ларса фон Триера 2003 года.

тика не будет рогов, он не сможет наводить мороку. Но бритва соскользнула, и я страшно порезал руки. Остались шрамы. Черт оказался сильнее меня.

Я чувствовала на расстоянии, что Николая курит, и мысленно втягивала в себя сигаретный дым.

– Однажды я тонул, уходил под воду и никак не мог выплыть. Потом, как только захлебнулся, меня вынесло волной на берег. Жизнь – чудесная штука.

– Почему мы не встретились раньше? – то ли спросила, то ли ответила я. – Повернуть время вспять мне не под силу. Я не проявляю свою темную сторону много лет.

– Как ты различаешь стороны? Светлая или темная? – засмеялся он.

– Для того чтобы увидеть, мне нужно фото и доза покоя. Я разглядываю ауру, как шелк над головой. Недавно я разглядывала себя. За моим левым плечом была гигантская голова дракона с прижатыми ушами, блестящей чешуей и узкими, с хищным разрезом глазами. Это был не демон убийства. Нет! Это демон удовольствий. Вот кого предстоит побороть, чтобы стать аскетом. За моим правым плечом находились семь ангелов в белых хитонах.

– Почему ты скрываешь свой дар?

– На это есть причина.

– Может быть, ты ведьма?

– Однажды я возомнила себя ведьмой и совершила дерзость. Повелела духам истребить голубей. Ночью пришел ураган, и двор заполнился тушками мертвых птиц. Как такое пришло в голову ребенку, который читал книжки, жалел жуков и травинки?

Николай подбирал слова несколько минут.

– Меня потрясают твои истории, – выдохнул он и простился.

Переставляя пароходики и солдатиков, я искренне пожелала смерти Захару, чтобы он оставил Николая в покое

раз и навсегда. И тут же испугалась своих мыслей. Неужели я так жестока? Почему во мне столько зла и ревности? Ради своей любви я готова пренебречь чужой. Смогу ли я понять их? Если человек все время испытывает боль, то в какой-то момент он начинает причинять ее другим.

Взяв свои недобрые пожелания обратно, я продолжила работать.

За целый день мне так и не удалось присесть. Ноги сводило судорогами. Покупатели толпились в отделе в связи с наступающими праздниками.

Ближе к закрытию какой-то парень купил сувенир для своей девушки. Он выбрал декоративный фонтан на батарейках, в который можно налить воды и смотреть, как она переливается. Я накинула немного сверху и была очень рада, когда покупатель расплатился и ушел. Но скоро он вернулся и задумчиво на меня посмотрел. Я испугалась, что он разгадал мою хитрость.

На прилавке лежали собачки-брелочки из плюша. Парень выбрал одну, отдал деньги, а когда я ее завернула в подарочную бумагу, сказал:

– Девушка, это вам! Подарок!

Я несказанно обрадовалась и заулыбалась. Собачка, которую выбрал парень, была с грустной мордочкой, но я не стала ее менять. Прикрепила брелок на сумку и подумала, что какой-то девушке в этом городе очень повезло.

Затем появилась Фаина вместе с гражданским мужем. Влад убежал от них по улице, боясь получить тумаков за невыплаченную зарплату.

– Ты здесь больше не работаешь! – сказал муж Фаине.

Напарница забрала свою чашку и полотенце. Ее спутник хотел прихватить игрушки на ту сумму, что ей недоплатили, но Фаина не позволила:

– Нет! Справедливости мы так не добьемся. Стоимость товара вычтут с Полины.

На прощание мы обнялись, и напарница угостила меня йогуртом в баночке. Ее мужчина пообещал разобраться с хозяином магазина и разбить витрины, если тот не отдаст зарплату.

Я давно мечтала о компьютере, поэтому как только Влад расплатился, отправилась в банк и оформила кредит под тридцать шесть процентов в год. Набралась нужная сумма, чтобы купить компьютер.

Мой первый компьютер оказался с громоздким двухъядерным процессором. Он был похож на гигантскую канистру. Захар и Николая мучились всю ночь, пытаясь установить в него загрузочный диск. В автобусе, спеша на работу, я упала в обморок от переутомления. Но решили еще несколько ночей повозиться с процессором. Система без начинки упорно не загружалась. Программы не устанавливались. Николая после ужина читал рассказ «Лариса» из чеченского цикла и уснул в моей постели, представляющей собой поломанное кресло-кровать эпохи СССР. Я накрыла Николая сиреневым пледом. Сонный, он был так беззащитен перед нашим миром; его длинные темно-каштановые волосы разметались по подушке, обрамляя бледное узкое лицо; рот приоткрылся, и, невольно залюбовавшись им, я поклялась никогда больше не желать Захару зла. Захар – это выбор Николая. Он так решил. Пусть будет счастлив.

Мама тоже уснула, свернувшись калачиком на старой спинке от дивана. Мы с Захаром говорили шепотом, сидя в полутьме. Единственную тусклую лампочку закрыли полотенцем и пили крепкий чай большими кружками, чтобы не уснуть. Периодически Захар выходил во дворик покурить. Он курил, а я стояла рядом.

Захар отвлекал меня от сна:

– Посмотри, какое звездное небо! Жизнь, как и смерть, трансформирующееся состояние, в котором все внезапно идет кувырком. Я так люблю ночь!

– Ты что, возвращался с того света?

– Мое увлечение мальчиками – один из экспериментов. Все может измениться. Я вижу, что ты прекрасная девушка.

Он протянул мне зажженную сигарету.

Я ответила:

– Нет, спасибо. Ты знаешь, моя родина – горный край. Женщины там скромны и достойны. Не путай меня ни с кем.

Захар засмеялся:

– Я знал: чтобы тебя испортить, придется потрудиться.

Когда мы вернулись в дом, я сразу проверила, спит ли Николая, и заново укрыла его пледом, который сполз на пол. Николая во сне что-то бормотал и вздрагивал, как собака, погрузившаяся в тревожные сны. Его длинные изогнутые ресницы беспокойно трепетали.

Захар настраивал драйверы, а я отправилась на кухню мыть посуду.

В шесть утра Захар объявил, что сделать ничего нельзя, и забрал компьютер к себе домой. Перед этим я должна была решить, отдавать ли им процессор. Мне предстояло еще год выплачивать за него кредит.

Николая пообещал:

– Мы ничего оттуда не выкрутим! Не своруюем!

Хотя у них старый компьютер и заменить детали они давно собирались. Я кивнула. Говорить о недоверии к ним у меня язык не повернулся.

В середине дня в отдел игрушек заглянула мама. Она сообщила, что Марина ее рассчитала.

– Я сказала, что не убийца, – оправдывалась мать. – Рыба заснет в тазу, тогда и почищу. Рыба огромная, килограммов пятнадцать, живыми глазами на меня смотрит. Как я стану чистить? Мало мы в войну убитых видели?!

– Правильно сделала, – поддержала я ее. – Нельзя чистить живую рыбу!

– А Марина сказала, что я глупая. Что надо убивать. – Мама качала головой.

– И черт с ней, – ответила я. – Сегодня целый день на ногах, голова кругом, но смогла подработать. Устроим с тобой праздник! Куплю картошки, и пожарим.

Мама повеселела.

Тридцать первого декабря я работала полный рабочий день, который мне, разумеется, не оплатили.

Справлять Новый год мы отправились к Захару и Николя.

Таксист, с которым договорились по телефону, оказался прохвостом. Мы поставили в багажник сумки и дали ему сто рублей, а он неожиданно потребовал двести. Мама начала спорить, взывать к совести, но это не помогло. Я вышла, хлопнула дверью и начала выгружать наши вещи. Таксист обругал нас матом и укатил. Нам повезло: рядом остановилось второе такси, и таксист довез нас за сто рублей, подтвердив, что это утвержденная такса в городе.

Я вручила Захару салатницу с винегретом. Подарок понравился.

– Мы компьютер починили! – обрадовал нас Захар.

Он испек торт и украсил его малиной и грецкими орехами.

Николя сидел в кресле, пускал дымные кольца и командовал, как правильно раскладывать столовые приборы, а мама, закрывшись в кухне, колдовала над картошкой и котлетами.

Николя был моей тайной. Он признался, что знакомится с обычными мужчинами и предлагает им голубую любовь.

– Чем больше геев, тем краше Россия, – патриотично заявил Николя.

Столик, накрытый вышитой льняной скатертью, выглядел весьма торжественно. На нем возвышался никелированный электрический самовар, а рядом стояли фарфоровые позолоченные чашки.

Дым в квартире напоминал сизый туман. Вскочив с кресла и закружившись, как дервиш в священном танце, Николя пробрался к окну и открыл форточку.

– Я прочитал твои дневники, – сказал он. – Знаешь, что я думаю?

– Что? – спросила я, пожалев, что принесла им мешок с тетрадками.

– Только попробуй сесть на диету! Только попробуй! После того, что я узнал, заклинаю тебя есть все что хочется.

– Она ведь станет похожа на пончик. – Захар был удивлен: по-видимому, он дневников не читал.

– Это ничего, – заверил его Николя. – Пусть пончик, зато счастливый! Она падала в обморок и мечтала о хлебе, пока нас занимали наши скучные и мелкие проблемы.

И он подвинул ко мне кусочек пирога.

– Э, нет, – сказала я.

– О да! – возразил Николя.

Пирог был румяным, пропах яблоками и корицей, и как бы мне ни хотелось соблюсти элементарные приличия, я съела три куса, один за другим.

– А ты у меня будешь стройным, – засмеялся Николя, наблюдая за Захаром, на лице которого было написано совершеннейшее недоумение.

Торт пока оставался нетронутым и привлекал мое внимание.

– Вам надо уехать в Голландию, – посоветовала я, добравшись до малины и орехов. – В Голландии много тюльпанов, и геев там никто не преследует!

– Нам не выбратся. Нас убьют прежде, чем мы пересечем границу, – ответил Захар.

– По чужим документам... – размечталась я. – Или ночью прокрадетесь потихоньку через границу. Моя мать знала такого человека, он был магом и владел гипнозом. Без документов он прошел через польскую границу еще во времена СССР. А требовалось заполнять десятки бланков и описывать родословную нескольких поколений...

– Старший брат Николая специально оформил на него кредиты и не платит по ним. Таким образом он контролирует нас и не дает шанса покинуть страну. Банки заносят должников в черный список, им запрещено покидать территорию России. Поэтому мы не можем уехать, – объяснил Захар. – Здесь нам опасно ходить по улицам. Два знакомых гея на днях пострадали: Сержа сильно избили, Андрей погиб от рук фашистов. Его изуродованный труп нашли в лесополосе недалеко от университета, где он учился.

– Мы дружили с Андреем. Слушали вместе музыку. Он был хорошим другом, – добавил Николая.

– Какой ужас! Но каким образом они вас вычисляют? Я почти год была с вами знакома и никогда бы не догадалась, что вы геи!

– Ты одна такая, – сказал Николая. – Ты приехала из Чечни, где никто никогда не встречал гея, потому что их убивают, едва заподозрив в однополой любви.

– Как можно определить гея?

– По жестам, по манерному разговору, по перстню на мизинце или серьге в правом ухе, по модной обуви, по тому, что мы всегда ходим вдвоем. К тому же Ставрополь не такой уж большой город, – объяснил Николая.

В его словах была правда. После того как они открыли мне свой секрет, я стала присматриваться и заметила, что есть мужчины, которые одеты в более красивую одежду, чем все остальные, всегда ходят рядом и порой даже в людных местах держат друг друга за руки.

– Понимаешь, этого не скрыть от тех, кто выслеживает, нападает и убивает, – продолжил Николая. – Жизни нет за стенами этой комнаты, пропахшей дымом, но зато здесь мы вместе и поэтому все еще живы. Только это имеет смысл. Кстати, вот книга, которую ты просила.

Он протянул мне «Одиннадцать минут» Пауло Коэльо.

– Спасибо!

– Это еще не все подарки. Есть еще книга о Воине Света. Отдадим потом.

Захар прочитал хокку собственного сочинения и рассыпал конфетти вместо листьев сакуры.

– А знаете, – неожиданно выпалила я, – когда-нибудь я стану знаменитой. Мои чеченские дневники опубликуют. Весь мир узнает о них! А потом мне дадут Нобелевскую премию! Я видела сон!

Захар и Николая переглянулись, а затем разразились таким хохотом, что, наверное, другой человек бы обиделся, но только не я.

– Вот насмешила! – заливался Николая. – Нобелевскую премию! О-хо-хо!

– Нобель сейчас погрозил тебе кулаком за дерзость, – поддержал его Захар. – Ты не обижайся, но это уж чересчур. Книгу твою и в России, скорее всего, не издадут, а до остального мира она и вовсе не доберется.

– Посмотрим, – ответила я. – Битва за издание чеченских дневников будет отчаянной. Без права на неудачу.

– Мы желаем тебе успеха, – заявили друзья. – Но ты объясни, при чем тут старина Нобель и его премия?

– Еще как при чем! – ответила я. – Нобель мне задолжал!

В комнате повисла тишина, и последние кольца сигаретного дыма рассеялись от такой виртуозной наглости.

– Как это?! – только и смог произнести Николая.

– Он изобрел динамит. Ты знаешь, в каком аду я жила десять лет? Нобель раскаялся на смертном одре, пожелал остаться не просто изобретателем динамита, но и сделать что-то хорошее. Я могу справлять день рождения в каждом месяце. Меня в четырнадцать водили на расстрел. Но я выжила, описав все, что с нами случилось.

Моя пылкая речь заставила ребят задуматься.

– Но ведь это... огромные деньги! Что бы ты сделала с ними?

– Верно. – Мне стало весело. – Когда мне дадут награду, обещаю, что совершу хороший поступок.

– Размечталась, – по-дружески поддел меня Захар.

– Отлично, – сказал Николая, закуривая новую сигарету. – Считаю, тебе дали Нобелевскую премию, что ты с ней сделаешь?

– Мой дом разбомбили. Нужен новый!

– Но не в России?

– Разумеется.

– А с остальными деньгами?

– Буду покупать еду и писать новые книги.

– А как же мы?! – обиженно вскричал Николая. – Мы ведь друзья!

Это было очень забавно. Несколько минут назад парни утверждали, что никакая премия мне не светит, и вот они уже интересуются, смогу ли я им помочь.

– Все решено, – сказала я. – Подарю вам десять процентов, и вы сможете сбежать из этого кошмара, купить себе домик в пригороде Амстердама, где можно курить марихуану и танцевать голышом.

– Ура! – захлопали они в ладоши. – Хотя мы и скептики, но будем ждать. Когда планируется выдача средств?

– Молодым премию не дают.

– Асса! – засмеялся Николая и начал плясать лезгинку. –

Асса! Полина отдаст нам десять процентов от Нобелевки!

Асса!

Мы с Захаром покатались со смеху. Мама прибежала из кухни посмотреть, чего это мы так веселимся, но ничего не поняла, махнула рукой и вернулась обратно.

Праздничный ужин прошел в шутках и анекдотах. Фреси с нами не было. Она выступала в ночном клубе. Мама быстро устала, и Николая проводил ее в соседнюю комнату, которую квартирантка не заперла. Чтобы она смогла отдохнуть, мы закрыли дверь и сидели тихо.

Захар раскурил сигарету и предложил мне:

– Попробуй, вдруг тебе понравится.

– Давай! – решила я.

У меня неплохо получалось курить. Захар неожиданно наклонился и поцеловал меня.

– Если я решу жениться, первая женщина, о ком я подумаю, будешь ты!

Глаза Николая покраснели и наполнились слезами.

– Как ты можешь?!

Я совершенно растерялась от такого поворота событий и, перепутав бокалы, залпом выпила шампанского вместо лимонада. Слова Захара я восприняла как шутку. Но Николая очень расстроился.

– Нет, так не пойдет! – сказал он прерывающимся голосом.

Чтобы утешить друга, я слегка пожурела Захара.

– Так ты согласна быть со мной или нет? – Захар не обратил на слезы Николая никакого внимания.

– Сейчас вместо праздника мы поссоримся, – ответила я. – Это совсем не входит в мои планы.

– Что бы ты хотела сегодня? – спросил Николая, успокоившись, что я не собираюсь замуж за Захара.

– Историю. Я собиратель и хранитель прожитых мгновений. Я складываю истории в корзинку, как Оле Лукойе – звезды, затем бережно их пересматриваю и жду возможности передать дальше. Все истории чему-то учат.

– Хорошо, будет тебе история. – Николая затянулся сигаретой и слегка отодвинулся от Захара, вероятно обиженного его своим бестактным поведением.

Он говорил о себе в третьем лице, отчего у меня создалось впечатление, будто мы преодолели портал во времени и я оказалась среди гор, в древнем ауле республики Дагестан. Мой мир менял точку сборки, и казалось, эта ночь бесконечна, рассвет не придет, солнце должно замереть, чтобы дать все понять и запечатлеть слова, наделенные смыслом.